ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 39 (675)

Литературная газета

Вторник, 20 июля 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. Цена 30 коп.

Год героической борьбы

Республиканская Испания героически борется уже вот год с фашистскими бандами генерала Франко и дивизиями фашистских интервентов. Значение этой бесстрашной, упорной и мужественной борьбы испанского народа выходит далеко за пределы Испании.

«Без преувеличения можно утверждать, — пишет Г. Димитров в «Правде», — что после Великой Октябрьской революции эта героическая борьба является одним из самых значительных событий послевоенной политической истории Европы».

На долю испанского народа выпала величайшая историческая честь, защищая свою свободу против собственных угнетателей, стать застрельщиком в борьбе с мировым фашизмом.

У Гвадалахары и легендарных стен стоического Мадрида, в горах Гвадаррамы и в парке Касса дель Кампо происходят авангардные бои прогрессивного человечества, вступившего в бой с мировым фашизмом, несущим народам мира средневековое варварство и рабство.

Все честные, передовые люди мира с напряженным вниманием следят за героической борьбой испанского народа, отстаивающего свою свободу и независимость. Трудящиеся мира и лучшие представители интеллигенции поняли давно, что здесь, на фронтах Испании, решаются их судьбы. Они поняли, что успех фашистской агрессии в Испании означал бы развязывание кровавой империалистической войны во всем мире, означал бы торжество фашистского варварства.

Но этого успеха не добьются силы фашистской реакции.

Правительство народного фронта, возглавляемое социалистам Негрином, освободившись от людей, фактически мешавших борьбе с фашизмом, энергично борется за сплоченную и дисциплинированную армию с единым командованием, за крепкий революционный тыл. Оно ликвидирует банды испанских троцкистов-поумовцев, являвшихся агентурой Гестапо и генерала Франко и осуществлявших по заданиям своих хозяев подлые изменнические дела на фронте и в тылу.

Испанский народ прошел славный путь борьбы. От анархически-неорганизованного сопротивления фашистским мятежникам он перешел к об'единению всех сил народного фронта, к созданию регулярной революционной, дисциплинированной армии с единым командованием, готовой теперь не только отражать нападение, но и самой наступать.

«Мы можем смело утверждать, — говорила в своей речи на июньском пленуме ЦК испанской компартии пламенная Долорес Ибаррури, — что эта единая, регулярная армия уже существует и что на многих фронтах уже действуют хорошо снабженные и технически обученные части, обладающие исключительной боеспособностью, которые могут соперничать с регулярной армией любой капиталистической страны».

Армия революционного испанского народа, сменившая теперь лозунг обороны: «No pasaran» — «не пройдут» — на лозунг наступления: «Pasaremos» — «мы пройдем», давно бы разгромила жалкие и продажные банды генерала Франко и марокканские части, если бы мятежники не были поддержаны Гитлером-Муссолини. Гитлер и Муссолини перебрасывают генералу Франко военное снаряжение, танки, аэропланы, военные суда, инструкторов, штабных работников и регулярные, хорошо вооруженные и обученные военные части германской и итальянской армий.

Мировой фашизм в борьбе с испанской демократией выступает в ничем не прикрытом своем истинном виде. Бомбежка Мадрида, превращение в прах Герники и Альмерии, тысячи трупов стариков, женщин, детей, тысячи и тысячи искалеченных мирных жителей, разрушенные музеи, уничтоженные вековые ценности мировой культуры — таковы «подвиги» фашистских варваров. Этих кровавых и жутких преступлений фашизма никогда не забудет человечество.

Товарищ Сталин в обращении к Центральному Комитету коммунистической партии Испании писал, что: «освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Все лучшие представители этого передового человечества об'единились в рядах народного фронта против фашизма на защиту Испании. Одни из них стали в ряды действующей армии революционной Испании. Другие ведут большую революционную работу — каждый в своей стране, — организуя все живые и способные вести борьбу силы против фашистского варварства, в защиту культуры, в защиту героической Испании.

Особенно большую роль в борьбе за испанскую независимость сыграли и продолжают играть боевые покрывшие себя неувядаемой славой интернациональные части. Со всех концов мира вошли в них лучшие из лучших людей. Они об'единяют людей разных возрастов и разных профессий. Не последнее место занимают в их рядах представители художественной интеллигенции всего мира — писатели, поэты, художники. Немецкие писатели Людвиг Ренн и Густав Реглер, французский писатель коммунист Арагон, испанский поэт Антонио Мачадо дерутся в интернациональных частях.

Замечательный поэт испанской революции Рафаэль Альберти в своем стихотворении, посвященном Интернациональной бригаде, с изумительной силой раскрыл те чувства, которые об'единяют этих людей.

О, пусть далек ваш край, великий или малый —
На карте, может быть, не больше он пятна, —
Вас общая мечта в одну семью собрала,
И вы пришли сюда, забыв про имена.
Как просто вы пришли — вам часто цвет неведом
Тех стен, что защищать геройски вы взялись.
Но гордо через смерть идете вы к победам,
Вы в битву, как в наряд военный, облеклись.

Лучшие люди мира об'единились в борьбе против фашизма. Они готовы до последней капли крови защищать интересы передового, прогрессивного человечества. Они не допустят варварского, фашистского уничтожения мировой культуры.

Закончившийся на-днях Второй международный антифашистский конгресс в борьбе за культуру, против фашистского варварства сыграет большую роль.

Необычность Второго мирового конгресса антифашистских писателей состоит в том, что делегаты его вели заседания с'езда в осажденном фашистами республиканском Мадриде, в сердце республиканской Испании — в Валенсии.

Заседания конгресса в Мадриде, превращавшиеся в грандиозные митинги солидарности и помощи героическому испанскому народу, помогли понять тем, кто еще колеблется и ищет какую-то несуществующую третью линию, что все честное может итти только в одном ряду с людьми, отдающими себя борьбе с фашизмом.

Выступления пришедших на конгресс из окопов писателей Людвига Ренна и Густава Реглера, замечательные речи советских делегатов М. Кольцова, Ал. Толстого, Вс. Вишневского и других, речи представителей английской, французской, голландской, мексиканской, негритянской и других литератур подняли еще выше дело борьбы за культуру, за мир, против фашизма.

Испания вступила во второй год своей беззаветной и героической борьбы. Нет сомнения, что эта борьба, поддержанная международной солидарностью трудящихся и передовыми людьми мировой культуры, принесет победу испанскому народу, а вместе с ним и всему передовому и прогрессивному человечеству.

Ждем книг о героизме испанских борцов

Колхозники — международному конгрессу антифашистских писателей

Колхозники, комбайнеры и трактористы колхоза им. Первого краевого с'езда советов (Азово-Черноморский край) внимательно следили за работой международного конгресса антифашистских писателей в Испании.

Недавно колхозники отправили в Мадрид в газету «Мундо обреро» письмо, в котором пишут:

«Мы, колхозники, комбайнеры и трактористы комбайнового агрегата колхоза имени Первого краевого с'езда, с большим вниманием следим за событиями в Испании, за тем, как растет и крепнет единый народный фронт.

Мы, колхозники, ждем от вас таких художественных произведений о борьбе испанских трудящихся с фашистами, о гражданской войне в Испании, как книги наших советских писателей — «Железный Поток» Серафимовича, «Рожденные бурей» и «Как закалялась сталь» Островского, «Тихий Дон» М. Шолохова.

Мы ждем таких книг, которые бы правдиво и красочно рассказали всему миру о героизме наших испанских братьев, отстаивающих революцию, книг, из которых о варварстве и зверской жестокости фашистских банд из лагеря Гитлера-Муссолини-Франко узнал бы весь мир, все культурное человечество.

Отстаивайте дело мира, боритесь за народ, за достоинство человека, за культуру и свободу трудящихся!

Жмем ваши руки, товарищи писатели, и желаем испанским братьям так же успешно разгромить врагов, как трудящиеся СССР в свое время разгромили белых генералов и интервентов».

СТРАШЕВСКИЙ С., РОТАЕНКО И., ВАСИЛЬЧЕНКО Я., ФИЛИППЕНКО П., АГАФОНОВ И., ГАВРИЛОВ И., СТАЦЕНКО И., ГУБАРЕВ И., КУЛАКОВ Ф., СКЛЯРОВ А.

М.-Курганенский район.

Народный Комиссар Внутренних дел СССР Генеральный Комиссар Государственной Безопасности товарищ Н. И. ЕЖОВ за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий награжден ОРДЕНОМ ЛЕНИНА.

Советские писатели приветствуют товарища Н. И. Ежова

Дорогой Николай Иванович!

Правительство Советского Союза наградило вас **орденом Ленина** за выдающиеся успехи в деле руководства органами **НКВД** по выполнению правительственных заданий.

Писатели нашей страны горячо и от всей души поздравляют вас с этой высокой наградой. Писатели приветствуют вас, боевого руководителя славной фаланги бойцов-наркомвнудельцев, самоотверженно и победно сражающихся на передовых позициях борьбы с врагами социализма, врагами народа. Под вашим руководством и при поддержке миллионов трудящихся Наркомвнудел разгромил основные змеиные гнезда изменников и предателей, покушавшихся на нашу родину, на счастливую жизнь народов СССР.

Показывая всем нам образцы большевистского выполнения указаний партии и великого Сталина о высокой революционной бдительности, вы громите и выкорчевываете троцкистско-бухаринских наемников фашизма, наносите сокрушительные удары шпионам, вредителям, диверсантам, как бы хитро они ни маскировались.

Мужество и твердость подлинного большевика, прозорливость и закалка сталинца, безграничная преданность ленинско-сталинской партии, действенная ненависть к врагам народа — вот те качества ваши, которые обеспечили успех порученного вам партией дела.

Советские писатели шлют вам, вместе со всем народом нашей страны, горячий привет и желают вам новых сил и новых побед в борьбе за торжество коммунизма!

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Закрытие Второго международного конгресса писателей

ПАРИЖ. 19 июля. (**По телефону**). Второй всемирный антифашистский конгресс писателей закончился.

Конгресс этот был совершенно исключительный.

Работы его продолжались семнадцать дней.

1 июля делегаты конгресса начали свой большой путь из Парижа в Валенсию и на фронт. 17 июля в Париже конгресс подвел политические и организационные итоги своей работы.

Писатели двадцати восьми стран демонстрировали миру свое единство, свою боевую готовность драться с фашизмом.

Антисоветским и троцкистским выступлениям в печати, выступлениям людей типа Андрэ Жида на конгрессе дан сокрушительный, уничтожающий отпор.

Испанская и французская печать уделяла много внимания конгрессу, посвящая ему целые страницы.

★

Наш путь в Испанию был путем единения и братания с героическим испанским народом.

В Валенсии и в Мадриде конгресс работал под огнем. Передвигался он по Испании исключительно на скоростных машинах. И все без исключения делегаты проявили исключителную выдержку и дисциплинированность. Среди нас не было ни отсталых, ни больных. Фронтовая проверка прошла отлично.

По предварительным данным, среди участников конгресса — шестьдесят процентов людей, подвергавшихся репрессиям, активных участников борьбы с фашизмом.

Представители испанской интеллигенции, рабочие, а также бойцы героической республиканской армии, присутствовавшие на конгрессе, бурно приветствовали его делегатов, громивших предателей и убийц.

Писатели посетили на фронтах части испанской революционной армии. Были встречи с Интернациональной бригадой, с новым испанским батальоном, с отрядом испанских матросов.

В разгар наступления республиканцев под Мадридом произошла ночная встреча советских делегатов с членом ЦК коммунистической партии Испании — Пасионарией.

★

14 июля в Париже конгресс принял участие во всенародном празднике Французской республики. В полном составе он прошел по Сент-Антуанскому предместью, сквозь бурно аплодирующие колонны рабочих, приветствовавших писателей-антифашистов, вернувшихся из Мадрида.

На заключительных заседаниях конгресса с заявлениями большой политической важности выступили Генрих Манн, Жульен Бенда, Жан Ришар Блок.

От имени 450-миллионной организации мусульман выступил делегат с жарким антифашистским призывом.

Овациями были встречены заключительные выступления советских делегатов и представителя негритянского народа США — Лэнгстона Хьюза.

★

Делегаты Второго конгресса начинают раз'езжаться из Парижа во все страны мира, где состоятся их отчетные выступления на собраниях передовой интеллигенции.

Одним из первых таких выступлений будет выступление Мартина Андерсена Нексе — в Дании, куда выезжают также советские делегаты конгресса В. Ставский и Вс. Вишневский.

Многие делегаты конгресса намерены в ноябре посетить СССР, чтобы закрепить связь с советской литературной общественностью.

По предложению американской делегации, Третий международный конгресс писателей состоится в Америке.

Вс. ВИШНЕВСКИЙ.

На Втором международном конгрессе писателей

16 июля

Заключительные заседания Второго международного конгресса писателей состоялись в Париже.

Делегаты двадцати восьми стран собрались 16 июля в переполненном зале театра Порт Сен-Мартен, украшенном огромным портретом замечательного испанского поэта и героя Гарсия Лорка, погибшего от рук фашистских палачей.

Председательствовал известный немецкий писатель **Генрих Манн.**

В президиуме — **Хосе Бергамин** (Испания), **Вс. Вишневский** (СССР), **Лэнгстон Хьюз** (США), **Стивен Спендер** (Англия), **Карин Михаэлис** (Дания), **Пабло Неруда** (Куба), **Андрэ Шамсон, Луи Арагон, Поль Низан, Рене Маран** (Франция).

Генрих Манн говорит в своей речи о значении международного конгресса писателей.

— Я завидую, — заявляет он, — тем из моих сотоварищей, кому 30 лет и кто борется на фронте свободы. Но фронт выражается и в защите культуры, в защите мира. Испанский народ борется для блага всех других народов, и ему поэтому необходимо помочь победить.

Часть речи Г. Манна посвящается памяти испанских и иностранных писателей, героически павших в боях за свободную Испанию.

Французский писатель Андрэ Шамсон, выступивший с отчетом о работах конгресса в Испании, призывал оказать поддержку испанскому народу, глубоко уверенному в своих силах и грядущей победе.

Выступление Луи Арагона было посвящено роли культурного фронта в борьбе с фашизмом. Он говорил, в частности, о советской культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию. Зал, стоя, бурно аплодировал Арагону.

Негритянский писатель Лэнгстон Хьюз рассказал о тяжелом положении американских негров, подвергающихся преследованию со стороны фашистов в Америке, где расовые предрассудки все еще очень сильны. В то же время американские рабочие — белые и негры — организуют общие профсоюзы, для совместной борьбы против эксплоататоров.

Испанский писатель Хосе Бергамин, разоблачив все лицемерие и лживость политики невмешательства, заявил, что испанский народ добьется мира лишь в результате победы над фашизмом.

Датская писательница Карин Михаэлис и чилийский поэт Пабло Неруда заявили о своей солидарности с испанским народом.

Участников конгресса горячо приветствовали многочисленные делегации французских рабочих, в частности делегация завода Рено, представлявшая 30 тысяч рабочих.

Особенно горячо были встречены на конгрессе делегаты моряков французского парохода «Трегастель», захваченного испанскими мятежниками и освобожденного под давлением французского правительства.

17 июля

Закончившийся 17 июля Международный конгресс писателей выбрал Бюро Международной ассоциации писателей для защиты культуры в составе ста членов, представляющих писательские организации двадцати восьми стран. От СССР в Бюро вошли: тт. **Михаил Кольцов, А. Толстой, Шолохов, Эренбург, Ставский, Вишневский, Лахути, Фадеев, Микитенко.**

В Президиум Ассоциации избраны: **Ромэн Роллан, Андрэ Мальро, Жан Ришар Блок, Арагон, Жюльен Бенда, Бернард Шоу, Р. Леман, Андерсен-Нексе, Томас Манн, Генрих Манн, Лион Фейхтвангер, Алексей Толстой, М. Шолохов, Сельма Лагерлеф, Хемингуэй, Антонио Мачадо, Хосе Бергамин, Форстер.**

В Генеральный Секретариат Ассоциации от СССР вошли: **Михаил Кольцов, И. Эренбург и В. Ставский.**

★

Заключительное заседание конгресса, проходившее под председательством **Луи Арагона,** затянулось до поздней ночи.

Почти все ораторы в своих выступлениях говорили о героической борьбе Испанской республики против международного фашизма и указывали, что Советский Союз является оплотом чаяний всего передового человечества. Английский поэт **Стефан Спендер** в своей речи описывает героизм испанского народа, свидетелями которого были писатели 28 стран во время своего пребывания в Мадриде и Валенсии. Аргентинский писатель **Рауль Гонзалес Туньон** заявил, что быть испанским республиканцем — это означает быть человеком, достойным этого имени.

Туньон подчеркнул, что перо писателя должно быть прежде всего оружием борьбы против фашизма, должно клеймить презрением тех писателей, которые обесчещивают это оружие нападками на Советский Союз.

С большой, исключительно яркой речью, исполненной тонкого сарказма по адресу буржуазии, предавшей общечеловеческие ценности, выступил известный французский писатель **Жюльен Бенда.** Бенда опроверг утверждение, будто писатель должен быть апполитичным. Мы защищаем, заявил Бенда, республиканское правительство Испании, ибо оно отстаивает дело справедливости и человечества.

★

После выступления германского писателя Бертольда Брехта большую речь произнес встреченный долгими шумными аплодисментами советский писатель **Алексей Толстой.**

РЕЧЬ тов. А. ТОЛСТОГО

— Два года тому назад, — сказал А. Толстой,—писатели всего мира подняли голос в защиту культуры от фашистского варварства.

Трудно сейчас учесть, какое впечатление произвели их предостерегающие слова на народные массы. Мы не знали, сколь велика была сочувствующая нам аудитория в то время, когда итальянский и германский фашизм только еще готовился к нападению на европейский мир и культуру.

Второй международный конгресс писателей увидел всю обманчивость иллюзий о неприкосновенности мирной тишины. Нет той святыни, перед которой дрогнула бы рука фашистского летчика, сбрасывающего бомбу. Мы увидели начало мировой войны.

На этот раз второй конгресс писателей реально увидел свою аудиторию. Его аудиторией был испанский народ по эту сторону огненного пояса, охватывающего Испанию, и может быть, — и по ту его сторону.

От Портбу до Мадрида, где бы ни останавливались автомобили с членами конгресса, собиралась толпа. Толпа приветствовала писателей, с'ехавшихся со всего мира в пылающую Испанию. Мы видели стиснутые кулаки, глаза, пылающие энтузиазмом, глаза, полные слез, глаза, горячие от благодарности. Глядя в ясные глаза детей, мы понимали, что отныне все наши силы, все наше искусство мы должны отдать борьбе за свободу мира, над которым распростерты крылья фашистских бомбардировщиков.

Нашей аудиторией в Мадриде был народный фронт, в первый же день конгресса перешедший в наступление. К столу президиума приходили вестники. Они рапортовали конгрессу, что наступление началось, что наступление развивается. Когда стихали аплодисменты, в зал доносился отдаленный грохот. Бои шли в нескольких километрах от трибуны, на которую выходили антифашистские писатели всех стран мира. К концу дневного заседания из-за кулис к столу президиума подошло 8 бойцов с примкнутыми штыками, с патронташами на туго затянутых поясах. «Салют!» — сказали они, подняв кулаки к стальным шлемам. Они были юны, бронзовы от загара, черноглазы, с четко обрисованными ртами. Они повернулись лицом к залу, и командир их, сменивший перо писателя на винтовку, сказал, что они уходят в бой и вечером надеются принести конгрессу трофеи. Зал и оркестр, стоя, музыкой и пением проводил их.

Я никогда не видел города, который почти ежедневно простреливается насквозь неприятельскими орудиями. Я пошел по Мадриду. Мне казалось, что я увижу груды развалин и притаившихся жителей. Улицы были полны народа. Открытые магазины, изящно одетые женщины, на тротуарах играют дети, кричат и смеются, забравшись на каменные баррикады; проносятся автомобили; позванивают желтенькие трамвайчики. Рабочие трамвайного парка останавливают движение лишь на тех улицах, где ложатся снаряды, и сейчас же его возобновляют, как только кончается бомбардировка. Эти бегущие желтые вагончики вселяют уверенность в непобедимость Мадрида.

Над цветами, над зеленью скверов — радуги водяной пыли. Чем дальше идешь на запад, тем больше зияет пробоин в огромных фасадах домов.

Вот стена из мешков с песком и надпись: «Вход в кафе». Все чаще улицу перегораживает стена баррикады. На асфальте — воронки от снарядов. Магазины открыты, в некоторых новые еще не покрашенные рамы витрин. Улицы подметены и чисты. Памятники прикрыты цементными сооружениями. Мадрид мужественен и спокоен. Его не собираются отдавать врагу.

Народу все меньше. Все больше пробоин в домах. Между баррикадами еще встречаете детей. Выходите на огромную площадь. Здесь уже все дома зияют пробоинами. Последние, кого вы встречаете, это — бронзовые Дон Кихот и Санчо Пансо, окруженные окопами. А дальше — берег Мансанареса и за рекой среди разбитых домов — пулеметы и пушки фашистов.

Восемь бойцов Интернациональной бригады сдержали слово. В конце вечернего заседания они принесли на сцену два еще пахнувших порохом фашистских знамени и одежду, снятую с марокканского полковника.

Когда они спустились со сцены, одна из испанок, протискавшись к мундиру, сказала с ненавистью: «От этого пахнет дохлой собакой». Ненавистью непоколебимой, не ищущей компромисса, ненавистью к фашизму, напавшему, как ночной бандит, на прекрасную Испанию, — вот чем охвачен весь испанский народ. У него не было армии, он создал ее. У него нехватало дисциплины и порядка, он создал дисциплину и суровый порядок, потому что этот народ делает революцию. Он снова молод, он — в состоянии напряженного творчества.

Испанские революционные молодые войска в порядке, спокойно и четко производят трудные наступательные операции. В 45-градусной жаре, отягощенные полной выкладкой, они идут цепь за цепью вслед танкам по пшеничным полям, в прорыв фашистского фронта. Десятки аэропланов бомбят их, сотни пулеметов косят их. Они идут вперед и выбивают шаг за шагом фашистов из траншей и городков.

Мы, вдохнувшие этот раскаленный воздух героической Испании, мы говорим: довольно колебаний, довольно равнодушия, оно ведет к смерти и позору. Сплотитесь вокруг героической Испании! Она — сердце мира. В ней то, что есть в человечестве свободолюбивого, возвышенного и благородного. Сплотитесь миллионы мыслящих мужчин и женщин. Фашизм страшен тем, что его боятся. Фашизм страшен тем, что он уничтожил в себе задерживающие моральные центры. Но когда против него поднимается зажженное жаждой свободы благородное человеческое сердце, фашизм разрывает свой фронт, отступает, бежит. И вы сдираете с него полковничий мундир, набитый золотыми цепочками.

Мы видели доброе старое солнце, затянутое дымкой пожара, и пшеничные поля, изрытые бомбами. Вместо свиста ласточек мы слышали шипение 8-дюймовых снарядов, когда фашисты угостили нас в первую же ночь в Мадриде ураганным огнем по городу. Мы обращаемся ко всем, кому дорог ребенок, мирно спящий в кроватке, кому дорога седая голова его матери, кому дороги жизнь, свобода, красота.

С фашизмом сговориться нельзя. Фюрер и дуче расточают в сторону некоторых стран сладенькие добрососедские улыбочки лишь потому, что у фашизма еще недостаточно наготовлено аэропланов и бомб.

Довольно колебаний, довольно нерешительности! Человечество хочет жить, а не задыхаться в погребах, засыпанных щебнем разбомбированных городов.

★

С яркой речью, неоднократно прерывавшейся аплодисментами, выступил затем **Вайян Кутюрье.**

Кутюрье напомнил, что нынешний антифашистский конгресс писателей, происходивший в Испании, получил боевое крещение. Нужно бороться против фашизма и его троцкистских агентов, — заявил Вайян Кутюрье. Писатели должны быть певцами правды.

Тепло встречают конгресс и многочисленная публика, переполнившая через край помещение театра, выступление известного испанского писателя **Рамона Сендера.**

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНГРЕССА

После ряда других речей, в частности выступлений **Всеволода Вишневского,** речь которого вызвала бурю аплодисментов, **Ильи Эренбурга и Жан Ришар Блока,** оглашается основная резолюция, принятая конгрессом.

В резолюции говорится:

«Верные принципам и решениям первого конгресса своей ассоциации писатели 28 стран, собравшись на свой второй международный конгресс, происходивший в Валенсии, Мадриде и Барселоне и закончивший свою работу в Париже 17 июля 1937 г.,

во-первых, — провозглашают, что фашизм является главным врагом культуры, которую они обязались защищать;

во-вторых, — заявляют о своей готовности бороться всеми имеющимися в их распоряжении средствами против фашизма, открыто показывающего свое лицо разрушителя или же избирающего для достижения своих целей обходные пути, — заявляют о готовности бороться против всех поджигателей войны;

в-третьих, — подтверждают, что в нынешней войне, ведущейся фашизмом против культуры, демократии, мира и вообще против счастья и благополучия человечества, немыслим и невозможен никакой нейтралитет, как это показывает тяжелый опыт писателей многочисленных стран, где всякая мысль сведена к ужасным условиям нелегальности.

Вследствие этого участники конгресса обращаются с торжественным призывом ко всем писателям мира, ко всем тем, кто глубоко и честно верит в свою человеческую миссию, в действенность печатного слова, и призывают их немедленно занять место в рядах борцов против угрозы, которая висит над культурой и человечеством.

Участники конгресса особо обращаются к тем, у кого еще остаются иллюзии о возможности сохранения нейтралитета. Они обращаются также к тем, кто еще верит в смехотворные обещания, под прикрытием которых фашизм прячет свое разрушительное и смертоносное дело.

Участники конгресса призывают всех писателей осознать свой исторический долг и об'единиться с ними в борьбе за благо большинства человечества и за охрану исторического наследства.

Конгресс приветствует республиканскую Испанию, ее народ, ее правительство и ее армию — авангард в борьбе.

Участники конгресса обязываются защищать республиканскую Испанию повсюду, где она подвергается угрозе, и привлечь к этой цели колеблющихся и блуждающих.

Участники конгресса заявляют, наконец, о своей непоколебимой вере в победу испанского народа!»

Феликс Эдмундович Дзержинский

Железный Феликс

«Когда теперь, у раскрытого гроба, вспоминаешь весь пройденный путь Дзержинского — тюрьмы, каторгу, ссылку, Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, восстановление разрушенного транспорта, строительство молодой социалистической промышленности, — хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: **горение, горение** и геройская **отвага** в борьбе с трудностями». Так писал товарищ Сталин одиннадцать лет назад, в дни, когда весь советский народ склонял траурные знамена над могилой железного Феликса.

Дзержинский был верным и бестрепетным рыцарем социалистической революции. Одна пламенная страсть владела им всю его сознательную жизнь — страсть борца за дело освобождения пролетариата, отдающего этой борьбе всего себя без остатка. Семнадцатилетним юношей вступает он на путь борьбы и до последнего вздоха не сходит с него. Он не прожил и пятидесяти лет — царские тюрьмы и ссылки, бешеное напряжение работы послереволюционных лет подорвали его здоровье,— но эта жизнь вместила в себя огромный и прекрасный подвиг преданного и самоотверженного служения революции, полного тяжких невзгод и великих побед.

В 1894 году связался Дзержинский с революционным движением пролетариата и уже через 4 года — первая ссылка, первые свирепые репрессии царского правительства. Они не прекращались до падения царского строя — более 11 лет пробыл Дзержинский в тюрьмах и ссылках.

Но никогда, ни на один момент не дрогнуло его сердце, не согнулась воля, не ослабела большевистская вера в победу пролетариата и классовая ненависть к врагам революции. Несгибаемым, стойким бойцом нашей партии прошел он через годы подполья, накопив громадный опыт организатора масс, завоевав любовь и безграничное доверие всей партии. Преследования жандармов и трудности борьбы не сломили его, — подобно стальной пружине он накапливал силы, чтобы еще могущественнее развернуться после поражений.

Когда прогремели громы Великой пролетарской революции, подготовленной борьбой партии, его борьбой, Дзержинский ринулся в бой на самых ответственных, опасных, передовых участках. Член Военно-Революционного Комитета, он под водительством Сталина, вместе с ним организует восстание питерских пролетариев и солдат, реализуя гениальный ленинский план пролетарской победы. С первых дней революции он находится в центре борьбы, в боевом штабе армии пролетариата.

Молодая советская страна окружена кольцом белогвардейских армий, полчища иностранных интервентов наступают со всех сторон, многоглавая гидра контрреволюционных заговоров подымается внутри страны, контрреволюционные партии эсеров и меньшевиков организуют мятежи и террористические акты, подсылают убийц к Ленину. В эти дни Феликс становится во главе Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и железной рукой беспощадно разит врагов.

Работой в ВЧК Дзержинский завоевал горячую любовь и благодарность трудовых масс советской страны. Он возглавлял боевую фалангу чекистов — сынов рабочего класса, фалангу, которую поддерживал весь народ. Миллионы людей помогали ВЧК в ее борьбе, и в этой тесной связи с миллионами была сила ВЧК, сила Дзержинского. Дело борьбы с контрреволюцией он умел сделать делом всего народа.

«Октябрьская революция поставила его на тяжелый пост, — на пост руководителя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского, отражавшего стальной рукой удары врагов пролетарской революции. Гроза буржуазии — вот чем был Феликс Дзержинский». (Сталин).

Да, он был грозой буржуазии, он громил и выкорчевывал змеиные гнезда контрреволюционных заговоров, он с корнем вырывал белогвардейщину, шпионаж, саботаж и вредительство, спекуляцию и мародерство. В беспощадности Дзержинского к врагам революции ярко горел огонь социалистического гуманизма, истребляющего все темные силы, всю нечисть кровавого эксплоататорского строя для того, чтобы радостной, свободной, счастливой стала жизнь необозримых миллионов людей труда, чтобы расцвело свободное общество без эксплоатации и гнета, чтобы слово «человек» зазвучало гордо и вдохновенно.

Он был грозой буржуазии, грозой врагов народа. Он был верным другом и преданным бойцом рабочего класса, любимым руководителем всех трудящихся, ближайшим соратником Ленина и Сталина.

Партия послала его руководить транспортом, находившимся в состоянии тяжелой разрухи после империалистической и гражданской войны. Партия поставила его во главе ВСНХ, когда надо было восстанавливать хозяйство страны, начинать эпоху великих социалистических работ. И всюду, где появлялся Дзержинский, закипала горячая работа, вдохновленная его неиссякающей бурной энергией, его организаторским талантом, его большевистской целеустремленностью и напористостью.

Он умер в расцвете духовных сил, умер на боевом посту, после страстной бичующей речи на Пленуме Центрального Комитета партии, где он громил проклятых предателей — зиновьевско-каменевскую банду оруженосцев Иудушки Троцкого.

Через всю свою жизнь он пронес величайшую преданность партии, стойкость и непоколебимость подлинного большевика, соратника и помощника Ленина и Сталина. Молодые поколения трудящихся, кадры большевистской партии учатся на опыте жизни и борьбы Дзержинского этим большевистским качествам. Биография железного Феликса, рыцаря нашей партии и социалистической революции, учит беззаветному служению делу коммунизма, неподкупному служению партии, борьбе за ее единство и сплоченность.

Жизнь Дзержинского дает множество примеров острой революционной бдительности, умения разоблачать врага и беспощадно разить его. Эти качества Дзержинский неуклонно воспитывал во всех своих сотрудниках, воспитывая и выращивая большевиков-чекистов. Знамя Дзержинского с честью несут сейчас большевики-наркомвнудельцы, возглавляемые непреклонным и верным сыном партии, верным соратником Сталина товарищем Ежовым. Наведя большевистский порядок в органах НКВД, ликвидировав гнусную деятельность предателя Ягоды, товарищ Ежов сплотил коллектив преданных чекистов и повел его в бой. Лучшие традиции революционной борьбы Феликса Дзержинского, его революционная непреклонность, его боевая отвага живут сейчас в делах бойцов-наркомвнудельцев, разгромивших подлую свору троцкистско-бухаринской контрреволюции, банду наемников японо-германской разведки.

Враг разбит, но не выкорчеван еще до конца. Он не оставит своих попыток вредить и пакостить, предавать и продавать нашу социалистическую родину. Образ Дзержинского призывает нас к неустанной бдительности, к беспощадности в борьбе с врагами трудящегося человечества.

Суровый и мужественный, встает перед нами этот образ железного Феликса, пролетарского якобинца, героя великой борьбы за социализм. Каждым словом и каждым делом своей героической жизни он призывает нас к преданному служению советскому народу, к тесному сплочению вокруг партии Ленина — Сталина, к новой борьбе и новым победам.

Юноше,
обдумывающему
житье,
решающему,
сделать бы жизнь с кого,
скажу, не задумываясь:
«Делай ее
с товарища Дзержинского».

(В. Маяковский).

Будем стремиться жить и бороться так, как жил и боролся Феликс Дзержинский!

Мигель ЭРНАНДЕС

ЛЮДИ ПЕРВОЙ УДАРНОЙ

1. Кампесино

Вся жизнь Кампесино, командира бригады — это жизнь борца. Мне он кажется кузнецом героизма, побед, истин и справедливости. Его присутствие вливает силы, и его суровое дыханье сметает, как ураган, слабости и помехи, попадающиеся на пути.

Каждый новый день подтверждает его огромные командирские и организаторские способности. Это один из самых страстных руководителей и защитников народа.

В трудные моменты, когда бойцы начинают падать духом, возникает Кампесино со своим взволнованным и оглушительным голосом, с гранатой и револьвером в руках и с таким видом, что, кажется, готов сожрать каждого, кто сунет нос в его окопы; и опущенные винтовки вновь гордо щетинятся, и натиск на врага дает смертельный, победоносный результат. Он почти не спит; в одной руке держит кусок хлеба, другой стреляет; он мечет гром и молнии против трусов, отстающих и плутов. Слово его жжет, от взгляда его каменеют, а его черная борода наводит ужас на марокканцев и немцев.

Вокруг него, зараженные его силой, отвагой и верой в победу народа, сражаются около двух тысяч людей и идут туда, куда он их ведет, и наступают, и гордятся честью бороться под его водительством. Один из них ртом, изуродованным разрывной пулей, успел крикнуть прежде, чем замолчать навсегда: «Да здравствует Кампесино!»

2. Хосе Алиага

Капитан Алиага — из Картахены. Он — моряк. Недавно он был ранен в окрестностях Мадрида. Он находился со своей ротой в резерве, в тылу. Бой был упорным, и неприятель яростно нажимал. Алиага нетерпеливо дожидался приказа выйти на передовую линию. Приказа не было: фашистам удалось прорвать фронт на одном из участков наших окопов, и четыре фашистских танка наступали.

Алиага видел, что в опасности жизнь более чем 100 человек. Он бросается под огненный ливень, он выскакивает из траншей с пением «Интернационала» и с бомбой в руке.

Группа бойцов поет вместе с ним: его сопровождает сержант его роты Кандидо Перес и падает, изрешеченный пулями. Алиага поддерживает падающего Переса и продолжает, отважный и взволнованный, итти навстречу танкам, пулеметы которых упорно его нащупывают. Он чувствует, что ранен в бедро, зажимает рану, заливающую кровью его зеленые солдатские штаны; он не перестает петь: он подползает к одному из танков и бросает бомбу под его гусеницы. Танк останавливается. Он видит затуманенным от радости взором, что остальные три танка отступают. Алиага подбирает железный обломок разрушенного танка и победоносно потрясает им. Когда его проносят на носилках мимо Кампесино, он кричит ему, гордый и радостный:

— Я — не пресноводный моряк, как ты меня всегда называл! Я — моряк из Кронштадта! Я твой сын, Валентин!

Он добился от врача, чтобы тот отпустил его раньше времени. Он не пробыл в госпитале лишнего дня. Мы крепко обнимаемся. Вспоминаем провинцию, где оба родились. Он вспоминает о смерти Кандидо Переса.

— Он умер так, как не стыдно умереть! — восклицает Хосе.

Хосе опять в окопах, с еще незажившей раной, но полный безудержной силой своих 22 лет. Теперь он командует уже батальоном.

3. «Шоколад»

Он — шофер Кампесино и не переносит медленности. Ему не нравится прозвище «Шоколад», и именно поэтому мы его так зовем. На лбу его словно написано: «Удаль», и он вечно ходит, недовольно выпятив губы. Он вступает в перебранку со всеми шоферами, попадающимися на шоссе. Много раз мятежники почти держали его в своих когтях, но он так приноровился уносить от них ноги (свои и Кампесино, вместе с машиной), что фашисты вечно оказываются «с носом», изумленные его дерзостью.

Однажды Валентин и «Шоколад» заблудились среди позиций. «Шоколад» заметил группу солдат и направил к ней автомобиль.

Каково же было удивление обоих, когда, под'ехав, они увидали, что это фашисты, поджидающие их, взяв их на мушку. «Шоколад», нисколько не смутившись, повернул руль, перелетел через холм, поднялся на другой, и когда неприятель открыл огонь, пули никого не догнали. (Другой бесстрашный шофер — это Маноло, до сих пор не имеющий прозвища. Он проехал через участок шоссе, охраняемый засевшими в засаду марокканцами, и вышел из переделки невредимый и улыбающийся. Это заставило многих из нас укрепиться в вере, что он и его машина неуязвимы).

4. Росарио и Фелиса

Среди десятка женщин (возможно, и больше), состоящих в рядах бригады, выделяются Росарио и Фелиса. Обе — 18-летние девушки; одна — брюнетка с черными глазами, другая — брюнетка с прозрачными глазами. У Росарио — пламенный темперамент бойца, она воюет, изготовляя бомбы и бросая их в неприятеля. Ей стыдно, что многие женщины начинают в окопах зазнаваться и кокетничать. Динамитом ей оторвало правую руку, но она говорит, что и левой с нее достаточно, чтобы продолжать делать бомбы. Этому она научилась от одного астурийского горняка, уже погибшего за народное дело в ущельях Сьерры.

Она не может оставаться праздной, без дела. Она полезнее с единственной оставшейся у нее рукой, чем несколько мужчин с винтовками. Она ссорится с Кампесино, потому что тот гонит ее из окопов, где она непрочь была бы остаться хоть на всю жизнь.

— Даже зло берет, что я не мужчина! — сказала она мне со всей искренностью настоящей крестьянки.

Но в этот миг она казалась мне более женственной, чем когда-либо.

Фелиса неразговорчива. Она много работает. Она не расстается со своей пищущей машинкой, и ее работу не прерывают ни бомбы, постоянно ее окружающие, ни снаряды, попадающие подчас в комнату, где она печатает слова Кампесино, который диктует ей, полусонный после жестоких и продолжительных боев.

Когда Фелиса кончает работу — если только она когда-нибудь кончает ее, — уже 2-3 часа утра. Тогда она засыпает тут же на стуле, и ее слышно еще меньше, чем когда она бодрствует. Шум исходит только от ее машинки.

5. Кандон

Он приехал с Кубы, где он родился, как и погибший Пабло де ла Торриенте. Голос его еще более могуч, чем его тело, а он не из худых. Он командует одним из батальонов бригады и обходится со своими людьми с такой образцовой серьезностью и заботливостью, что они повинуются его приказам с полным доверием.

Это доверие в любых обстоятельствах превращается в победу. В нем виден человек, закаленный в борьбе и сжившийся с ней. Он извлекает уроки из каждого боя. Он обрекает на неудачу самые хитроумные маневры врага: он всегда следит за малейшим его передвижением.

Чего ему больше всего нехватает — это климата Кубы; лицо его с'ежилось от резкого и пронзительного холода кастильской зимы, и он жмется к огню во всех углах временных штабных помещений, которые занимает.

Самые тяжелые и самые счастливые события мало отражаются на его тропическом лице. Из спокойных людей он — самый спокойный. Поэтому вспышки его гнева так страшны и опасны.

6. Мануэль Мораль

Шофер, как и «Шоколад». Когда-то в его родной деревне, в провинции Хаен, гражданская гвардия жестоко била его. Один из гвардейцев сильно его недолюбливал и каждый миг находил повод, чтобы избить его и испортить ему всю жизнь.

— Сколько ужасных ночей я из-за него провел! — рассказывает мне Мануэль.

Как только это ему удалось — в начале фашистского движения — он прикончил врага. И, скитаясь по фронтам, встретился с Кампесино. Он управляет его машиной, как редкий из андалузцев, чистит ее и ухаживает за ней, словно она живая. Он вечно поет, и волна волос падает на его лоб. Мы с Антонио Апарисио хохочем, слушая его острые словечки. Подчас вокруг нас свистят и взрываются неприятельские снаряды, но Маноло не перестает петь и импровизировать свой «коплас», а мы — хохотать. Однажды мы ехали куда-то, куда не вела ни одна дорога, и Мануэль, не останавливая машины, помчался напрямик полем, сказав:

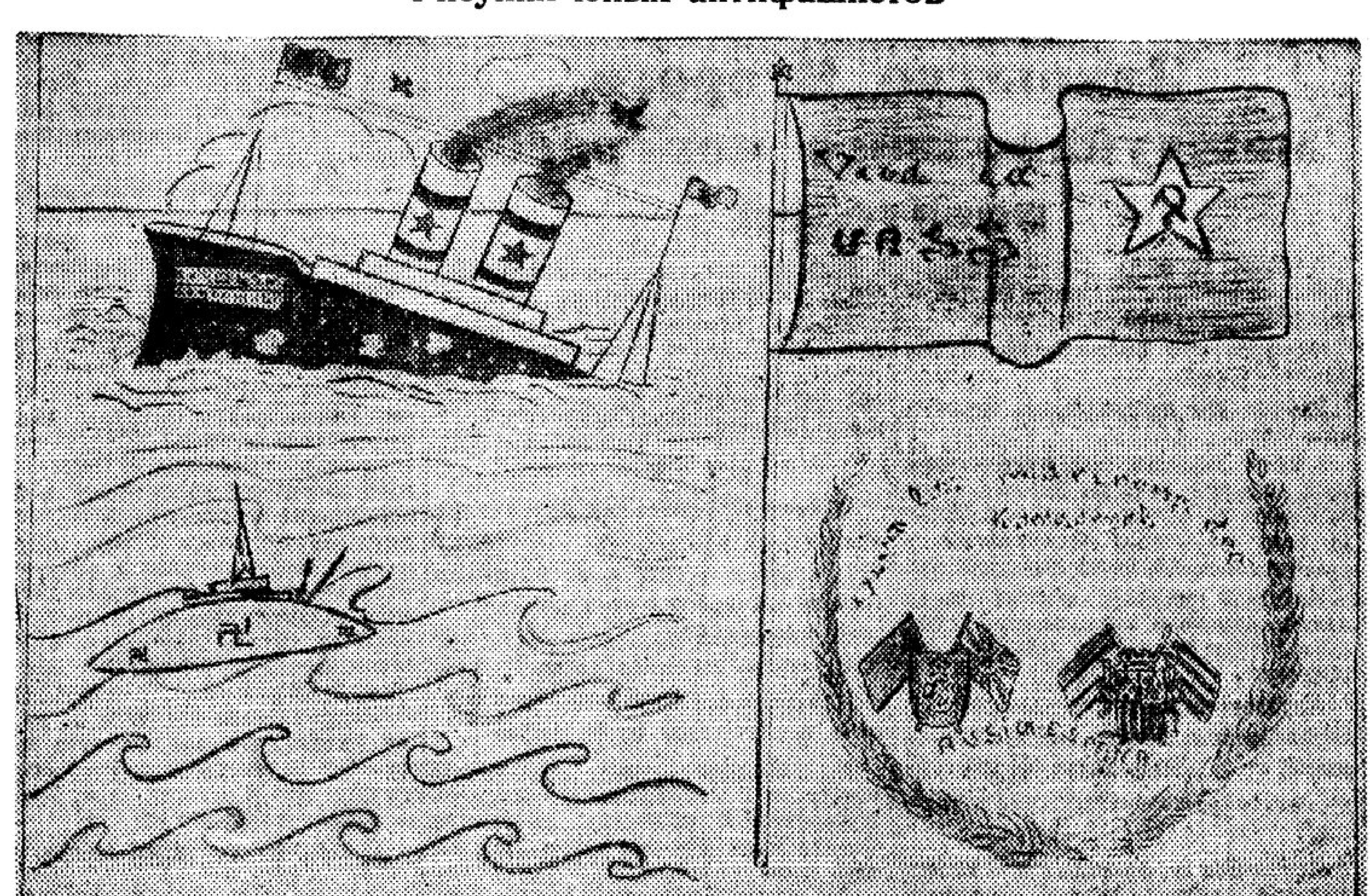
— Дороги исходят из моего сердца!

И опять принялся за свой «коплас».

Перевод Б. ЗАГОРСКОГО.

Дети республиканской Испании

Рисунки юных антифашистов

«Да здравствует команда «Комсомола» — рисунок Висенте Сайас Солер, 14 лет. (Институт Бласко Ибаньес. Валенсия).

— Фашизм терзает республиканскую Испанию! Фашизм — злейший враг культуры! Фашизм превратил свободную Испанию в сплошное поле битвы!

— Будь проклят фашизм, лишивший покоя, сна, жилища, еды сотни, тысячи детей Испанской Республики!

Эти мысли — в мозгу и на устах у всех преданных своей республике испанцев, подлинных сынов своей родины — без различия возраста и пола.

Испанские дети — юные авторы рисунков, присланных в СССР, изображают в своих ярких композициях то, что всечасно тревожит их, мешает им жить: войну.

Бой на воде, на суше. Бой в воздухе. В окопах. На фронте. Разрушаемый тыл. Вот темы ста семидесяти рисунков.

Часто на рисунках детей — изображения развалин в прифронтовых городах Испании. Они вызывают в нас чувство возмущения, гнева против фашизма, глубокого сострадания к невинным жертвам.

Одна тема волнует почти всех маленьких художников, но каждый из них решает ее по-своему. Эта тема — потопление фашистами советского парохода «Комсомол». Фашистские бандиты потопили пароход, везший подарки — одежду и пищу от советских друзей! Будь проклят фашизм, да здравствует Советский Союз!

Яркой улыбкой юных художников пронизаны только те рисунки, которые посвящены СССР.

Один из них поразителен по сложности замысла и композиции. Он принадлежит 13-летней Марии дель Кармен Ровира из Валенсии. На рисунке — испанская земля и край советского материка, соединенные скрещивающимися государственными флагами республик. Мощная фигура испанского бойца, обращенного лицом к Стране советов, под его ногой — фашистская свастика.

«Фашизм падет под натиском народа», — заявляет в подписи к своему рисунку юная художница.

В тяжкие дни, переживаемые Испанской Республикой, ее маленькие граждане, так же как их отцы и матери, проникнуты ненавистью к фашизму, принесшему им войну, и бодрой верой в окончательную победу свободной героической Испании.

★

Центральный дом художественного воспитания детей им. Бубнова открывает сегодня выставку рисунков испанских детей.

На выставке будут показаны и рисунки, полученные от маленьких испанских художников до войны и составляющие часть постоянной международной выставки детского рисунка в ЦДХВД.

Вс. ВИШНЕВСКИЙ

Мы уничтожим тебя, фашизм!

17 дней мы вместе в Валенсии, Мадриде, на фронте, в Париже, люди 28 стран мира, писатели и гуманисты, решившие словом, делом, примером показать свою боевую готовность, свою верность народным массам, рабочему классу. Этот конгресс — духовная мобилизация интеллигенции мира. На этом конгрессе писатели под огнем бросили фашизму: не боимся, презираем, обвиняем! Но мало сказать «обвиняю»...Не раз этот возглас «ж'аккюз» («Я обвиняю») был слышен в истории мировой литературы. На этом конгрессе писатели прибавили к «ж'аккюз», к обвинениям по адресу реакции, контрреволюции, фашизма, новое историческое слово — они говорят: «Не боимся, презираем, обвиняем и уничтожим тебя, фашизм». Это будет так! И наше слово: XX век, век великих революций в России, век рождения мирового народного фронта, будет и веком гибели фашистских диктатур, тупых, мрачных и человеконенавистнических.

Мы были в Испании: в городах, деревнях, окопах... Наш конгресс слился с бурным и стремительным порывом испанского народа. Армия Мадрида наступала и гнала фашистских фалангистов, рекетистов, германских и итальянских наемников... В рядах наступающих шли и немцы, интернационалисты, батальон Тельмана, шли гарибальдисты, шли полки героических внуков Домбровского, шли югославы, болгары, шли американцы и англичане, шли, наконец, порывистые и горячие французы. За Испанию поднимаются лучшие люди Европы, лучшие люди мира. Я поднял на поле боя полевую книжку убитого бойца, американца-художника. Оцените сами молчаливый подвиг этого рядового американца, который без паспорта сквозь кордоны и облавы пересекает океан, чтобы итти в пехотную цепь во имя спасения Испании... Идут и гибнут. Нам Байрон дал пример жертвенного и благородного подвига. Он дрался за независимость Греции. Это было редким примером. Прошло немногим более века, и тысячи передовых пролетариев, крестьян и интеллигентов поднялись до подвига Байрона. Он существует, духовный под'ем человечества! Он быстр, он стремителен... Человеческая воля, порыв мыслей, порыв сердец бьют дальше фашистской артиллерии. Берлину и Риму придется пересмотреть свои военные, тактические и технические расчеты. Фашисты с трудом держатся у окраин Мадрида, передовой же мир достигает любых пунктов земного шара: из Чили едут на конгресс, сам конгресс передвигается по Европе с образцовой точностью, подвижностью. Наш конгресс виден и слышен всему миру... За нашей работой следит и Северный полюс, ибо там большевики, люди культуры и пристального внимания к жизни.

Что запомнил я навсегда в Испании? Священное горение народа, неиссякаемую, непередаваемую жизненную силу масс... Руины, копоть, грязь, бой и шипение тяжелых снарядов, ночные нервирующие налеты авиации. Но народ живет. Мадрид величествен. Он в шрамах, но он подтянут, как добрый старый солдат. Дым пожара затягивает горизонт, но город не меняет своих привычек: он живет, работает, любит, танцует, поет, дерется...

Я запомнил навсегда в Испании порывистую, трепетную, полную пульсирующей крови и слез любовь к Советскому Союзу, к великой большевистской России. Мы были в деревне Мингланилья между Валенсией и Мадридом. Старики, старухи, девушки, дети окружили нас, сжимали в об'ятиях и только повторяли одно слово: «Русо, русо». Термин «международная солидарность» здесь был дан самой жизнью, самим бытием. Испанские крестьяне братались с нами. Мы смешали пот, слезы, поцелуи и слова верности.

Вам трудно представить себе все муки, испытания, через которые прошел наш народ... Со временем наша новая литература раскроет всю эпопею, многовековую эпопею русского народа и братских народов, пошедших с ним. Я расскажу вам, товарищи, мои друзья и братья, несколько эпизодов из революционной борьбы русского народа.

Русский народ гремел мятежами, крестьянскими восстаниями с давней поры. Во имя освобождения и независимости он шел на пытки сквозь костры, не покоряясь ничьим иноземным силам и порядкам. Он расшибал, отшвыривал вражеские полчища и орды. Народ наш с священным упорством шел к своему освобождению...

Народ наш жил всеми помыслами передового человечества. Он брал лучшее от мысли и дел Франции, Англии и Германии и вносил свое кровное, органическое: размах, напористость, величайшую стойкость, известную всем.

Из недр этого народа вышли вожди, которые несли в себе лучшие качества народа, его гений, его доброту, вечное стремление к правде, трудолюбие, пытливость и беззаветную смелость. Эти вожди — наш Ленин и наш Сталин...

Вожди нашей революции шли с бойцами в одних рядах. Вы должны представить себе Ленина на рабочих сходках, под смертельной угрозой шашек, нагаек, русской полиции, близорукой и беспощадной. Вы должны представить себе Ленина в тюрьмах, где он творит свои бессмертные книги, вы должны видеть его в сибирской ссылке всегда с товарищами, всегда бодрого, всегда работающего, ни на минуту не теряющего общей картины мира. Преследования, удары, тюрьмы, Сибирь, — ничто не могло остановить большевиков... Террор царя тоже ничего не мог сделать с ними. 43 тыс. повешенных и расстрелянных, 100 тыс. сосланных на север в Сибирь не сломили в 1905 году волю народа и его партии большевиков. Большевики знали — победа будет, во чтобы то-ни стало: надо взять! Ленин уходил из России преследуемый...

Впереди была ночная опасность Балтийского моря. Лед подламывался, трещал, черная вода шипела у ног... Ленин шел со льдины на льдину, ободряя финнов-проводников... Он не боялся, он жил во имя величайшего дела, во имя всех нас.

Сталин! Наш Сталин! В его жизни есть случай, который должен стать достоянием всей мировой литературы. Сталин водил под огнем первые рабочие демонстрации более 30 лет тому назад... В глазах людей горел огонь будущей великой Красной армии. Сталин! В тюрьме он был центром духовного сопротивления, примером предельной выдержки и волевой устремленности... Был день, когда администрация вызвала войска, чтобы устроить избиение непокорных политических заключенных. Их прогнали сквозь строй... Удары сыпались на плечи, грудь и голову... Или по глазам... Сталин взял книгу, зажал ее под руку, взглянул на отупелых, потных, тяжело дышащих палачей и пошел сквозь строй под сотни ударов. Сталин шел молча, ровным шагом... Так он прошел этот путь, не согнувшись, не крикнув.

Наша страна прошла кризис двух больших войн: империалистической и гражданской. Последнюю мы вели пять лет, пять долгих и незабываемых лет. Армии 14 держав интервенционистов хотели поставить Россию на колени, хотели продиктовать ей старые, к дьяволу нами выброшенные законы, хотели сделать из нас покорных рабов. Россия и братские народы Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Узбекистана и других наших республик смяли и порвали в клочья вражеские армии. У нас часто нехватало снаряжения. Мы отнимали его у врага. Ворошилов и Буденный под Царицыным писали на просьбу дать патронов: «Таковых нет. Достать у противника. Об исполнении донести». И Красная армия может донести трудящимся, в том числе вам, конгрессу, что в пятилетнюю войну 1917—1922 г.г. она голодная, изможденная, удушаемая блокадой, обливаемая клеветой, предаваемая иными генералами — преодолела все препятствия, прошла горы, снега, тайгу, огонь, добыла оружие, вырвала его руками и зубами у врага и разнесла его в щебень, в пыль! Помните, что так дрался усталый от империалистической войны народ.

Помните, что таких результатов достигла «та» Россия — без техники, одним горением, дисциплиной, беззаветной преданностью великой идее, связью народа с вождями, которые сливаются с народом, ведя его.

Мы добились победы, на нее у нас работало все. В два-три пятилетия страна наша преобразилась. Выросло новое поколение... Хлынули новые силы. Наша техника идет упорно и неотвратимо к мировым высотам. Наша авиация вам известна: это Москва — Северный полюс — Сан-Франциско... Завтра это будет полет еще более дальний, и пусть потягаются с нами «Капрони», «Фиаты», «Юнкерсы», «Гейнкели»!..

Враги — в бешенстве и злобе от факта свободного существования социалистического 170-миллионного народа. Она существует — могучая, огромная страна на двух континентах, от Балтики до Тихого океана, от полюса до границы Индии. Она существует — независимая, создавшая свои порядки, свой стиль, свою литературу, свое кино, свою музыку, свою технику, свое хозяйство, свои нравы, словечки, привычки... В нее пытаются стрелять. Нас пытаются продать и предать... То один, то два, то восемь изменников пытаются продать и предать новый мир. Одним махом руки народ убрал и уничтожил эту дрянь. Солдаты (здесь их много на конгрессе, среди писателей) знают: вошь бьют. Мы и бьем. Нам странно: ведь в Европе иногда от этого хлопочут и шумят. А у нас не меняется ни на йоту ритм жизни, поступь народа, его улыбка... Была попытка шайки троцкистов и тухачевских. Шайка уничтожена. Враг хочет повредить нам. Ответили мы решительно и прямо. И сделаем так и в будущем. Враг хотел подорвать оборону великой страны. Народ оторвал головы изменникам... А вдобавок в несколько дней дал Правительству СССР 4-5 миллиардов рублей на оборону! Вы знаете, что такое СССР в бою! При новой попытке врага, враг будет отброшен и уничтожен. Писатели мира, Вы должны знать, что в случае новой большой войны СССР к себе на территорию врага не пустит. Врага мы будем бить на его территории. Наш народ прошел огромную школу борьбы, ряд войн и три революции. Мы знаем, что, как и почему мы будем делать.

Наш конгресс собрался в грозовую пору. Опасность войны надвигается все ближе. Писатели мира в предвидении близких событий считают этот конгресс лишь предварительной нашей мобилизационной подготовкой. Вы видели лик новой войны в Испании. Готовьтесь к тому, чтобы выдержать испытания, еще более глубокие и серьезные, проверяйте и тренируйте себя для тщательной и большой борьбы на больших пространствах. Судьба может сделать так, что всем нам придется вновь встретиться на фронтах. Еще более укрепим себя идейно, профессионально, технически и физически для грядущей борьбы. Поставим себе целью влить в наши ряды новые сотни новых друзей, писателей мира. Двинем в ход наши новые книги, поэмы, фильмы... Не будем терять ни одного дня! Пойдем вперед без страха, отшвыривая врагов, изменников, трусов...

Да будет так, чтобы в час новой борьбы всемирная организация писателей, защитников культуры, без принуждения, без промедления обрушила на фашизм ряд смертельных ударов. Да будет так, чтобы писатели мира запечатлели эпоху и себя книгами, стремительными, как атака, и актами могущественного личного участия в борьбе. Мы одинаково готовы писать за столом и стрелять пуля в пулю, снайперски, в окопах, вести людей, быть командирами и комиссарами.

Братский привет вам из Москвы! Победа среди нас... Мы можем ее достигнуть, мы можем ее взять. Мы сделаем наш 20-й век веком великой освободительной мировой революции.

Речь тов. Вс. Вишневского на заключительном заседании Второго международного конгресса писателей.

К. ПАУСТОВСКИЙ

Письмо Фришара

Из повести «Созвездие гончих псов»

Восемь астрономов, уединенно работающих во французской обсерватории Сиерра дель Кампо, расположенной на испанской территории, всецело поглощены своими научными изысканиями. Им нет дела до того, что происходит за высокими стенами обсерватории. Они живут оторванно от мира, посвятив себя «чистой науке».

Но вот тишина и размеренность замкнутой жизни ученых нарушается событиями в Испании, потрясающими мир. Гул канонады долетает до их ушей, а однажды самолет французского поэта Виктора Фришара, летевшего из Франции в Мадрид, падает и разбивается у самых стен обсерватории.

Это потрясло астрономов. Они переносят к себе умирающего героя. Один из ученых, голландец Ньюстэд, спешит в ближайший городок за врачом, но возвращается оттуда слишком поздно...

Ньюстэд прошел в комнату Эрве, где лежал умерший. В столовой зеркало было завешано старым холстом.

В коридоре он встретил Матвея. Садовник нес только что срезанные ветки сосен и тиса с темной листвой. Они вместе вошли в комнату.

Человек лежал, вытянувшись под простыней на кровати. Волосы его были причесаны, и через лоб тянулся запекшийся шрам.

Матвей разбросал по полу хвою. На столике горели две восковые свечи. Пламя трещало. Шторы были опущены.

— Это зажгла Тереза, — сказал тихо садовник. — Женщины знают, как обряжать умерших.

Ньюстэд посмотрел на лицо неизвестного. Оно было молодым, но очень измученным. Две глубокие морщины, как шрамы, лежали на щеках. Выражение губ было таким, будто человек кого-то вполголоса звал.

— Вот и смерть погостила у нас, сударь, — сказал Матвей. — Профессор Эрве приказал вырыть могилу около ограды, под старым тисом.

— Где Мэро? — спросил Ньюстэд.

— Он у себя. Он очень расстроен. Человек умер у него на руках.

Ньюстэд медлил итти к Мэро. Вошел Эрве.

— Ньюстэд, — сказал он и криво улыбнулся, — вот видите, жизнь впервые ворвалась в нашу обитель, но и то под видом смерти.

— Не только, — ответил Ньюстэд. — Я привез из города маленькое существо. Оно нуждается в помощи.

— Неужели мы еще кому-нибудь нужны? — спросил Эрве с искренним удивлением.

Мэро сидел в своей комнате за письменным столом. Он сжимал виски слабыми руками и хотел этим сдержать слезы.

Стол был пуст. Он не написал за этим холодным лакированным столом ни одной строчки любимому человеку, здесь он писал только вычисления и вежливые письма астрономам. Ни любимых, ни любящих не было. Нет, они были когда-то, но Мэро забыл о них. Должно быть они давно уже умерли, как умер этот человек. «Нельзя забывать любящих, лучше их убить, чем забыть», — говорила его мать, и Мэро теперь понял, что она была права.

Человек умер во время дежурства Мэро. Он почти не говорил. Он все время стонал и один только раз окликнул Мэро.

— Отец, — сказал он, — и Мэро вздрогнул от этого забытого слова.— Возьмите в сумке письмо и бумаги... Прочтите... Отправьте... Если приедет, вы расскажете... Я думаю только о ней, бесполезно думать о другом... Совсем бесполезно...

Мэро нашел письмо и бумаги. Человек затих, потом начал бредить. Он пел в бреду. Это было очень страшно, и Мэро позвал Бодэна. Ни Мэро, ни Бодэн никогда не слышали той песенки, что пел умирающий:

> Это ветер шумит по лесам.
> Спи, малыш,—это дождь у ворот.
> Если мать целовала глаза —
> Мальчик мой никогда не умрет.

— Он придумывает песню в бреду, — испуганно прошептал Бодэн. — Не может быть такой колыбельной песни в действительности.

Бодэн отошел к окну. Серый день дымился над горами, — скучный день середины зимы.

Когда Бодэн обернулся, человек был уже мертв.

Письмо и бумаги Мэро забрал к себе и все никак не мог дочитать до конца, — множество горьких мыслей возникало после каждой прочитанной строчки.

Человека похоронили в сумерки. Все молча стояли, обнажив головы, пока садовник и Ньюстэд засыпали могилу мокрым щебнем. На могиле поставили маленький деревянный столб с дощечкой. На ней Бодэн написал:

«Виктор Фришар, поэт, француз, разбился во время перелета из Франции в Мадрид. Пусть к именам людей, отличавшихся мужеством, прибавится еще одно имя неизвестного нам, но благородного человека. Астрономы и сотрудники французской обсерватории Сиерра дель Кампо (Пиринеи)».

После похорон астрономы собрались в лаборатории. Ньюстэд собрал всех, чтобы сделать, как он сказал, чрезвычайное сообщение. Все были утомлены и молчали, — прожитый день стоил нескольких лет прежней невозмутимой жизни.

— Профессор Мэро, — сказал Ньюстэд и встал; этим он подчеркнул важность своих слов, — передал мне бумаги и письмо, оставшиеся после умершего. Перед смертью он просил огласить их и отправить по назначению. Я выполняю волю неизвестного мне человека с тем большей охотой, что содержание этих бумаг, — Ньюстэд положил на них тяжелую руку, — заставляет меня отказаться на время от работы в обсерватории и спуститься в долины, где вот уже пять месяцев, как вам известно, свирепствует гражданская война.

— Я знал, что вы филантроп, — заметил Дюфур.

— Это делает честь вашей проницательности,—спокойно ответил Ньюстэд. — Человек, которого мы пытались спасти и только что похоронили, — французский поэт. Поэты — братья астрономов. Прекрасное содержание окружающей жизни проявляется не только в законах звездного неба, но и в законах поэзии.

— Понятно, — пробормотал Дюфур. — Читайте письмо.

— Если бы вам это было понятно, — ответил Ньюстэд, — то вы бы не занимались сейчас вычислением орбиты планеты за номером 1212. Диаметр этой планеты — не больше километра. Я считаю эту работу такой же ненужной, как подсчет пылинок на земле.

— Спасибо! — воскликнул Дюфур и деланно засмеялся. — И после этого вы считает себя ученым.

— Да! — грубо ответил Ньюстэд. — Я стараюсь делать выводы. Я не гонюсь за ничтожными фактами. Я не научный мусорщик. Поэтому я имею смелость считать себя ученым. Вы — Дюфур, я — Ньюстэд, и мы никогда не поменяемся мозгами. Но я еще не окончил. Поэты и писатели Франции приобрели несколько аэропланов и оружие для помощи испанской народной армии. Фришар вызвался перебросить эти аэропланы в Мадрид. Причина его гибели известна. В разбитом самолете осталось оружие — винтовки, патроны и пулемет.

— Очень хорошо, — сказал Эрве, — но мы-то ими не воспользуемся.

Мэро молчал.

— Письмо адресовано в Бриэк женщине, — сказал Ньюстэд. — Вряд ли нужно называть ее имя. Я читаю его. «Это письмо отправят тебе, если я умру. Ты помнишь последний день в Бриэке, когда я уезжал, помнишь ветер с океана, и у тебя зябли маленькие милые руки. Мы были одни в нищем городке. Мы были совсем одиноки с тобой, и ты была для меня не только любимой, но и матерью, сестрой, самым преданным другом.

Через час я вылетаю в Испанию. Я храню в своей памяти твои слова о том, что ты не могла бы любить ничтожного человека. Для иных людей трудно сохранить достоинство в наше время, когда низость, вооруженная пулеметами и фосгеном, начала схватку со всем лучшим, чем жило и будет жить человечество. Для иных лучше бежать на край земли и спрятаться в теплые норы, размышляя о том, что жизнь дается только раз, и ее надо прожить для себя. Но во имя того, что она дается только раз, что она неповторима и замечательна, во имя этого мне легче итти навстречу опасности с открытым лицом и завоевать эту жизнь или умереть за нее, чем писать красивые слова и страдать от дурного запаха собственной совести.

Ты поймешь меня, я знаю. Я не умею утешить тебя. Я люблю землю потому, что ты живешь на ней, люблю воздух потому, что он прикасается к твоему лицу, люблю каждую травинку, на которой останавливаются твои глаза, люблю каждый твой след на сыром песке и ночную тишину, потому что тогда я слышу твое дыхание, — и вместе с тем я лечу умирать. Я почти уверен в этом.

Прощай. Ты расскажи о своем горе рыбачкам, если у тебя хватит сил рассказать. Никто лучше этих простых, рано постаревших женщин не сможет понять его; ведь у них нет ни одной семьи, где бы не было настоящего горя.

Прощай и помни, что я любил тебя так, как может быть еще никто не любил в этой жизни».

Ньюстэд окончил читать и, наклонив голову, перебирал на столе бумаги. Все молчали. Эрве начал задыхаться, судорожно вынул платок и высморкался.

— Хорошо, что вы прочли письмо, — тихо сказал Мэро. — Хорошо, я знаю... Но позвольте мне уйти, я не могу дольше оставаться. Я только хотел сказать Дюфуру, что теперь я понял обратное. Я знаю, какая ничтожная величина наше звездное небо по сравнению с человеческим горем. Да, я это знаю и не хочу слушать никаких возражений.

Мэро вышел. Дюфур не возражал. Он сидел с потухшей папиросой во рту и вряд ли даже слышал слова Мэро.

Мэро заперся в своей комнате, подошел к окну и заплакал. Колючая тяжесть в груди причиняла боль. Мэро думал, что она растворится от слез, стекавших по его желтым щекам, но она все усиливалась, и Мэро уже ничего не видел за окном, — звезды мутными пятнами расползались по стеклу.

Ему было жаль умершего, было жаль молодую осиротевшую женщину, жаль себя, Эрве, всех, кто так неприютен, затерян в этом громадном и неласковом мире.

Поздно вечером Мэро вошел в комнату Ньюстэда. Норвежец стоял у стола и рвал какие-то бумаги.

— Ньюстэд, — сказал Мэро, — я уезжаю. Я хочу сам отвезти письмо в Бриэк. Я, как и вы, на время бросаю обсерваторию.

— Что ж, — ответил Ньюстэд, — ведь у вас нет ни сына, ни дочери... Это понятно.

Мэро с благодарностью посмотрел на Ньюстэда.

У себя в комнате Мэро увидел на столе последние астрономические вычисления и тщательно спрятал их в ящик письменного стола. «Еще найдется время их закончить», — сказал он сердито.

Созвездие «Гончих псов» играло далеким светом за стеклами, и Мэро, взглянув на него, подумал, что Бриэк лежит как раз в той стороне.

Е. КНИПОВИЧ

Репортер-художник-боец

Эгон Эрвин Киш.

■ ■ ■

В 1935 году Эгону Эрвину Кишу исполнилось пятьдесят лет. Ко дню юбилея он получил много приветствий от лучших представителей литературы Запада и от советских писателей.

Анри Барбюс и Ромэн Роллан, Фейхтвангер и Константин Федин, Майкл Голд, Анна Зегерс, Теодор Пливье — все говорили о высоком мастерстве Киша-писателя, о мужестве Киша — революционного борца. Но кроме этого почти все приветствия говорили о молодости пятидесятилетнего юбиляра, о юношеской неукротимости этого репортера-разоблачителя.

Деятельность Киша непрерывно подтверждает это мнение. Еще накануне юбилея Киш спрыгнул с борта океанского парохода на территорию Австралии, куда — по указке правительства Третьей империи — его не захотели впустить государственные власти. Поступок Киша был вызван не погоней за сенсацией.

Киш прибыл в Австралию по поручению Анри Барбюса как делегат антивоенного и антифашистского конгресса. Он сломал ногу; он трижды попадал под суд; он был заключен в тюрьму, но цели своей он достиг. Трудящиеся Австралии услышали голос Киша на десятках массовых собраний.

Трудящиеся Европы и Советского Союза читают сейчас вторую книгу Киша об Австралии — правдивую повесть о героической борьбе писателя-антифашиста против соединенных сил реакционеров капиталистической Австралии и зарубежной агентуры германского фашизма.

Книга эта показательна для творчества Киша, потому что Киш-писатель неотделим от Киша-бойца. Во время империалистической войны он провел в тюрьме почти год своей солдатской службы. Из крепости Шпандау, куда он был посажен правительством Третьей империи, его вызволило только то, что он — чехословацкий подданный.

Киш— автор брошюры о Димитрове. Киш не только написал две книги о Советском Союзе, он прочел десятки докладов о СССР, яростно опровергая все антисоветские измышления. Киш был активным участником Парижского конгресса писателей в защиту культуры. Он участвовал в работе только что закончившегося второго конгресса, происходившего в Мадриде.

Каков же был творческий путь Эгона Эрвина Киша?

«Репортер, — писал Киш в 1920 году, — устанавливает лишь фактическое положение вещей. Репортер лишен тенденции. В его обязанность не входит что-либо оправдывать. У него нет своей точки зрения. Он должен быть беспристрастным свидетелем происходящего, беспристрастно давать свои показания, со всей возможной добросовестностью».

Так написаны ранние очерки Киша, вошедшие большею частью в книги «Неистовый репортер» и «Запиши это, Киш».

В них репортер-художник ярко, точно, правдиво говорит только о фактах, а не о причинах, следствиях, связи этих фактов. И все-таки, даже в этих очерках есть уже та тенденция, которую отрицал Киш-теоретик. Кто герои лучших из этих очерков? Старая прачка, сына которой ложно обвинили в убийстве, сборщик хмеля, кочегар океанского парохода, «в царстве угля обратившийся в уголь», бездомные Уайтчепля.

Своих героев, свои факты Киш ищет не на «верхах» буржуазного общества. И в империалистическую войну рядовой Киш записывал только те факты, которые он видел сам или о которых ему сообщали солдаты. Поэтому в военной книге Киша рассказано о раненых, которые рады хотя бы ценою тяжких увечий вырваться с передовых позиций, о продажности офицеров, о спекуляции, о страшном несоответствии мещанской жизни тыла и фронтовой жизни, о бессмысленной жестокости, о лжи буржуазного «патриотизма». Беспристрастная книга «Запиши это, Киш», созданная в 1914—1916 гг., увидела свет только в 1930 году.

Итак, тенденция присутствовала в репортаже Киша с самого начала. Сочувствие к угнетенным, ненависть к угнетателям прорываются сквозь беспристрастие первых очерков Киша. От этой общей тенденции Киш неизбежно должен был перейти к твердой точке зрения на мир и события. Это и случилось после Великой социалистической революции, под влиянием которой бунтарь, «отщепенец» буржуазного общества Киш пришел в ряды коммунистической партии.

Твердая точка зрения научно мыслящего материалиста-диалектика заставила Киша по-новому подойти к своему материалу. В 1935 г. на Парижском конгрессе в защиту культуры Киш говорил и о новых принципах своей работы. «Чтобы произведение не потеряло художественности, писатель должен строго отобрать краски, построить свое изложение в правильной перспективе и дать его как художественный обвинительный документ. Для этого необходимо создать живой, движущийся фон, которого повсюду требует диалектический материализм в отличие от материализма плоского, статического; писатель должен дать прошлое и будущее в их отношениях к настоящему...

Но при всей этой заботе о художественности писатель должен давать правду, одну только правду, ибо требование научно доказуемой истины это и есть то, что делает работу очеркиста столь опасной не только для эксплоататоров мира, но и для него самого».

Умение так обращаться с материалом далось Кишу не сразу. В книгах, изданных в 1925—1926 гг. («Гонка во времени», «Похождения во всем свете», «Цари, попы, большевики»), наряду с «художественными обвинительными актами» есть не мало ярких, но случайный зарисовок.

Подлинного мастерства, подлинного единства своей новой теории и своей новой практики Киш достигает в книгах, написанных между 1929 и 1936 гг. («Американский рай», «Потаенный Китай», «Азия изменилась совершенно», «Вход воспрещен», «Семь гетто» и две книги об Австралии).

Какими глазами видит Киш новые места, новые страны? Чего он ищет?

Разумеется, не того, о чем рассказывают официальные путеводители и буржуазные репортеры-туристы. Экзотические пейзажи и костюмы, императорские дворцы, легенды, вся «сладкая каша романтики» не имеет для Киша самостоятельного значения. Его первый взгляд, его первое слово принадлежат трудящемуся человеку, ужасам его повседневной жизни, тем законам капиталистического общества, которые определяют эту жизнь.

В очерках Киша встает армия труда двух полушарий: рабочие фабрики Форда в Детройте, углекопы Боринажа, рабочие ртутных копей Альмадена, стеклодувы и шлифовальщики Габлонца, кули, дети, текстильщики Шанхая, фермеры Миннезоты, скорняки Лейпцига. Эти очерки — не внешние зарисовки жизни и быта. Держа в руках искусственную жемчужину, сделанную в Габлонце («Габлонц, блеск и нищета безделушки»), Киш рассказывает о производстве искусственного жемчуга, о том, как живут люди, которые его делают, о том, как этот жемчуг уходит из рук производителей, о том, как японский демпинг, приведший к капиталистической рационализации в Габлонце, становится причиной стачки чехословацких стеклодувов.

Очерк о ртутных копях Альмадена («Человек в ртути, ртуть в человеке») является страшным обвинительным актом против капитализма не только потому, что в нем рассказано, как 288 человек из 535 через несколько лет становятся инвалидами, но и потому, что в нем дана история ртутных копей, раскрывающая всю иллюзорность «свободы» рабочего в капиталистическом обществе. «Если некогда в смертоносных пещерах людей приковывали цепями, если позднее их удерживало здесь то, что был только один выбор — между тюремными стенами и этими стенами, напитанными ядом, и не было никакого другого выхода, если они шли в рудник во избежание неминуемой гибели в военных экспедициях в Южную Америку или Северную Африку, то теперь на работу в Альмаден их толкала полная невозможность найти другой заработок (смерть от голода настигает всю семью, между тем как рудничный яд губит лишь одного); в XX веке экономическое безумие достигло апогея; людей насильно прогоняют оттуда, где каторжников приковывали цепью; людские толпы жадно, но тщетно стремятся в подземелье, дышащее смертью».

Киш дал ряд ярких обвинительных документов против фашизма, показывающих истинное лицо национальной «революции» в Германии, правительство Третьей империи, все «царство гиен», разоряющих немецкий народ.

Оружие Киша-репортера разнообразно. У него есть много способов скомпрометировать все устои буржуазного общества. Разоблачающий смех Киша не менее опасен, чем его суровая серьезность. Шанхайская юстиция, мораль американского мещанина, стандартное киноискусство Голливуда, «культура» берлинских обывателей, — все это выглядит в изображении Киша достаточно гнусно и комически неприглядно.

То с веселым и злым смехом, то с суровой серьезностью Киш неустанно подчеркивает, что «потаенный» Китай и «потаенная» Европа, жизнь цивилизованных и нецивилизованных буржуа, цивилизованных и нецивилизованных рабочих похожи между собой. Это — сходство разных уголков одного и того же капиталистического ада.

Зато украинская деревня Шепетовка совсем не похожа на польскую деревню Здолбуново, хотя их разделяет только черта границы, и из польской деревни, где царят поп, лавочник, зазывала публичного дома и полицейский, видны «производственные школы, клубы, новые здания» советской деревни.

Память о СССР, о шестой части мира, где победил социализм, о родине свободного труда не покидает Киша во всех его странствованиях. О Советском Союзе он вспоминает и на улицах Шанхая и в копях Альмадена. В книге своей о советской Средней Азии («Азия изменилась совершенно», 1932 г.) Киш со страстной настойчивостью, с веселым задором противопоставляет социалистический труд и людей социалистического общества жизни остальных пяти шестых мира.

Хлопководческие районы Таджикистана похожи на Дикси, хлопководческую область Америки? Нет, не похожи. В Дикси процветает «рабство, как до времен Линкольна», рабочие забиты и оборваны, дети их нищенствуют, труд ненавистен. В Таджикистане страстно увлеченные своим кровным делом люди не отпустили приезжего писателя до тех пор, пока не показали ему хлопковых полей и машинной станции, школы, детских яслей, пункта ликбеза, «где сидел шестидесятилетний школьник красного уголка», «где висел немецкий плакат», библиотеки с таджикскими и узбекскими книгами («Обстоятельный доклад о хлопке»).

Киш показывает, как растет человек нового общества. Усман Гаибов — вчерашний неграмотный дубильщик становится химиком; Хасаид Мирхулан из «штуки товара» превращается в полноправного и полноценного человека, женработницу большого масштаба.

Преданность Киша делу трудящихся всего мира, его пламенная любовь к СССР, к стране победившего социализма, органически сочетается в его творчестве с ненавистью к капиталистической эксплоатации, ко всем реакционным силам общества и, в первую очередь, к самым лютым врагам рабочего класса — фашистским поджигателям войны.

Новая и замечательная книга Киша «Высадка в Австралии» — прежде всего антифашистская книга. Эпиграфом к этой блестящей книге, написанной с огромным мастерством, могли бы послужить прекрасные слова раненого бойца Интернациональной колонны и замечательного писателя-антифашиста Густава Реглера, сказанные на-днях на втором конгрессе защиты культуры в Мадриде: «Нет других проблем композиции, кроме композиции единства против врагов. Нет других проблем фразы, кроме той, которая должна служить для уничтожения варваров... Нет других проблем стиля, кроме стиля борьбы».

Книга Киша рассказывает о его мужестве, о его смелых приключениях, о его борьбе за дело мира против идеологии фашистских поджигателей. Но в ней нет ни грана эгоцентризма. Книга Киша будет бесконечно близка читателям Советского Союза именно своим спокойным, выдержанным, повседневным героизмом.

И советский читатель с глубоким волнением прочтет о борьбе против фашизма в далекой Австралии, об антифашистской демонстрации белых и черных рабочих Мельбурна, требовавших освобождения Тельмана и Осецкого, о восьмидесятилетнем Артуре Риветт, погибшем на боевом посту, о старом Гренье, сыне коммунара, который развернул в честь уезжающего делегата-антифашиста боевое знамя Коммуны, спасенное им от версальских палачей.

В последней своей книге Эгон Эрвин Киш еще раз показал, что он большой и умный художник и самоотверженный боец за дело своих героев — трудящихся всего мира.

ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

На секретариате правления ССП

Фольклорная секция союза советских писателей — детище А. М. Горького. Ее задача — не только связать художественную литературу с наиболее ценным, сохраняющим весь аромат национального своеобразия источником народного творчества, но и закрепить эту связь на подлинно научной основе.

Об'единяя в своем составе писателей и научных работников, секция призвана осуществлять в изучении и освоении фольклора единство научного и художественного подхода.

Как выполняет эти функции фольклорная секция? Ответ на этот вопрос был дан в докладе руководителя секции Ю. М. Соколова на состоявшемся 16 июля, под председательством т. Лахути и с участием тт. Вс. Иванова, В. Герасимовой, Бахметьева, Березовского, и др., заседании секретариата правления ССП.

Ю. М. Соколов вынужден был признать, что, несмотря на большую работу, проведенную секцией, она в значительной мере является еще «инородным» телом в системе союза. Ни с одной творческой секцией союза — поэтической, драматургической, детской литературы и др. — у фольклорной секции органической связи нет.

Писатель, по признанию Ю. М. Соколова, идет в фольклорную секцию от случая к случаю. Только единичные художественные произведения, основанные на фольклоре, обсуждались на секции и консультировались ею.

Более активную работу проделала секция в области художественного перевода национального фольклора. Например, перевод казахского фольклора, сделанный тт. Пеньковским и Тарловским, был обсужден на секции с участием не только фольклористов, но и казахских писателей. Перевод бурятского эпоса, сделанный т. Новиковым, обсуждался в секции с участием языковедов и бурят-монгольских писателей. Однако в большинстве случаев **переводчики национального фольклора не считают для себя обязательным не только хорошо знать язык и особенности национальной формы, но даже консультировать свои переводы с фольклористами** и представителями данной национальности.

Особенно «вольготно» чувствуют себя поэты, работающие над переводом народных песен. Они, в частности, совершенно освобождают себя от обязательства сохранения метрики и ритма оригинала. Народился даже своеобразный поэтический штамп — переводить все поэтические произведения фольклора четырехстопным хореем. Это ведет к худшей нивелировке, обезличиванию и обездушиванию национального фольклора. Некоторые поэты (и наиболее яркий пример этому — переводы С. Клычкова из казахского фольклора) трактуют фольклор как «сырье» для своего поэтического вдохновения.

Интерес к фольклору по всей стране огромен — в фольклорную секцию поступают ежедневно десятки писем от писателей, фольклористов, рабочих и колхозников.

Секция аккуратно консультирует обращающихся к ней, но связь эта в большой мере случайна, притом индивидуальна, осуществляемая главным образом Ю. М. Соколовым, бывшим до сих пор единоличным руководителем фольклорной секции.

К тому же, признает Ю. М. Соколов, самокритика в секции была до сих пор очень слаба. Пример этому явил и сам Ю. М. Соколов, который не удосужился еще выступить перед писательской общественностью с раз'яснением своей неправильной, раскритикованной в «Правде» и других органах печати, концепции историко-героического эпоса.

Ю. М. Соколов, по его словам, намеревался это сделать в специальном, особо для этого случая, созванном широком совещании, а секция покорно ждала этого парадного случая и безмолвствовала.

Фольклорная секция может и должна стать одним из активных центров научного и художественного контроля в области разработки и выявления богатств национального фольклора. Эта область сейчас немало засорена фальсификацией и халтурой.

Неправильное отношение к национальному фольклору наблюдается не только на периферии, но нередко и в Москве. Стремлению «лакировать» фольклор не чужд и национальный сектор Гослитиздата.

★

Секретариат, заслушав доклад фольклорной секции, утвердил временное бюро секции, избранное на последнем заседании секции тайным голосованием, в составе тт. Аршаруни, Скосырева, Ю. М. Соколова и Шергина (пятый член бюро подлежит доизбранию).

Секретариатом ССП решено созвать в сентябре **всесоюзное совещание по фольклору.**

Признано целесообразным издание при фольклорной секции журнала или непериодических сборников по фольклору. Вопрос этот должен быть разработан секцией.

Секретариат обязал все секции союза организовать тесный контакт с фольклорной секцией. Практические предложения, заключавшиеся в докладе Ю. М. Соколова, переданы на рассмотрение комиссии в составе тт. Глазова, Соколова и Аршаруни.

★

Из этих предложений следует в частности отметить намерение фольклорной секции провести совместно с драматургической секцией просмотр старинной народной драмы, сохранившейся в памяти старых рабочих Трехгорной мануфактуры.

С. ИППОЛИТОВ

Белое пятно

Вопрос о формах и методах воспитания, учебы и помощи молодым литераторам дискутируется не первый год. Однако реальной помощи молодые авторы не получают.

Пятого июля секретариат союза обсуждал вопрос о работе с молодыми писателями. Для определения дальнейших путей работы с молодежью и подготовки этого вопроса к общемосковскому собранию писателей была выделена группа писателей в составе тт. Панферова, Накорякова, Вс. Иванова, с участием тт. Г. Бровмана и Борского. Созыв комиссии был поручен Вс. Иванову. Казалось бы, этим вопросом следует заниматься форсированными темпами. Но... Вс. Иванов не торопится с созывом комиссии. Так и остаются ненамеченными «дальнейшие пути».

Когда-то в союзе влачил жалкое существование сектор по работе с молодыми писателями. Сектор этот ликвидировали, правда, с благими намерениями: вопрос о работе с молодежью, мол, настолько важный, что им должен заниматься сам секретариат союза и весь союз в целом. Однако вместе с ликвидацией сектора работой с молодыми перестали интересоваться.

Для союза писателей основной базой выращивания и воспитания молодых писателей является Литературный институт. Тов. Накоряков в докладе на секретариате детально остановился на работе института, но оперировал он фактами, мягко выражаясь, исторического порядка.

Члены секретариата видно забыли, что только в июне этого года закончила работу специальная комисия, выделенная ревизионной комиссией союза для обследования Литературного института. Или может быть ревизионная комиссия не поставила в известность секретариат? Так или иначе, но председателя этой комиссии т. Обрадовича даже не пригласили на заседание секретариата.

Именно здесь союз должен практически помочь способному молодняку. Первое, что надо сделать, это **твердо определить профиль института.** По признанию директора института т. Борского, существующий профиль «туманный, расплывчатый». Союз и институт не знают, кого они готовят. А не зная, кого и для чего готовишь, можно ли знать, как готовить? Поэтому учебные программы института и напоминают собой те волшебные детские корзинки, где есть «все, что угодно для души».

Нам кажется, что комиссия союза писателей должна изучить и предложить предстоящему общемосковскому собранию писателей опыт работы наших консерваторий. В Литинституте, по их примеру, надо организовать учебу так, чтобы молодой писатель мог сказать, кто его поставил на ноги, кто помог ему овладеть искусством «инженера человеческих душ». Ведь может Яков Зак с гордостью заявить, что он окончил Одесскую консерваторию по классу проф. Старковой и высшую школу мастеров Московской государственной консерватории по классу проф. Нейгауза! Почему же слушатель Литинститута не может назвать ни одного писателя, кто являлся бы его учителем?

До сего времени условия учебы и организация обслуживания слушателей не дают возможности способной молодежи с периферии поступить в Литинститут. Радиус вербовки замыкается Москвой. Надо расширить рамки. Надо дать возможность способным, талантливым молодым авторам нашей страны поступить в Литинститут. Для этого в союзе писателей безусловно имеются все возможности.

Из всего сказанного может создаться впечатление, что Литинститут — единственная база, воспитывающая молодых литераторов. Отнюдь нет!

Не может быть снят с повестки дня и вопрос об участии писателей в работе читательских кружков на предприятиях. Здесь только надо решительнее поставить точки над «и».

Вопрос о так называемых литкружках как будто уже решен.

Это не авербаховские рекрутские пункты призыва ударников в литературу, а кружки активных читателей, любящих литературу, желающих научиться глубоко понимать книгу. Организационно ими руководят культотделы профсоюзов. Но значит ли это, что союз писателей должен умыть руки? Кто как не союз писателей обязан разработать методические пособия, организовать массовое издание критико-библиографической литературы? Но этим вопросом некому заниматься в союзе писателей.

Не могут выпасть из поля зрения союза и многочисленные литконсультации. Кто как не союз должен был бы давно уже проверить кадры литконсультантов и очистить их ряды от недоучек, присяжных оценщиков, либеральствующих покровителей графомании.

Литконсультанты должны быть настолько квалифицированы, чтобы суметь в потоке поступающего материала обнаружить произведения действительно способных людей. Вместе с этим они должны уметь прямо высказать новичку в литературе всю правду о его способностях и возможностях.

«Дети пишут стихи, они продолжают это делать, становясь старше, и, будучи юношами, воображают, что они кое-что умеют, пока, наконец, достигнув зрелости, они не научатся понимать настоящее искусство. И тогда они ужасаются, какую массу лет они зря потеряли в своих ложных, никуда негодных потугах». Эти слова Гете должны были бы помнить наши консультанты, ибо они и призваны предупреждать юношей о потере столь драгоценного времени. Но они этого не делают, не делают только потому, что нынешние кадры консультантов неспособны выполнить это ответственное задание.

Особо должен быть обсужден союзом писателей вопрос о литературно-творческих группах и семинарах, об'единяющих уже проявивших себя в литературе. Такие об'единения возникают стихийно при наших толстых журналах.

Никто другой, как союз должен добиться того, чтобы отдельными семинарами руководили писатели, творчески близкие, понятные, авторитетные для молодежи.

Но союз может решить эти вопросы только тогда, когда этим важнейшим участком работы будет заниматься определенное лицо. Пусть это будет не зав. сектором, а кто-нибудь из секретариата, но пусть это будет лицо, которое думало бы, двигало и разрешало животрепещущие вопросы воспитания и учебы молодых литераторов, ликвидировало бы это «белое пятно».

НАУМОВ

А. АРШАРУНИ

Учебники литературы

Два года прошло со дня опубликования постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о стабильных учебниках. Казалось бы, за это время наркомпросы и писательские организации могли выполнить обязательства, возложенные на них этим постановлением, и дать хорошие, добросовестно составленные учебники литературы.

Но оказывается, что сейчас, накануне нового учебного года, все учебники и учебные пособия по литературе на языках народов СССР необходимо заново пересмотреть.

Почему пред'являем мы такое требование?

Мы ознакомились с учебниками литературы и языка для средней школы, изданными в течение последних двух лет на армянском, башкирском, татарском, удмуртском, украинском и крымско-татарском языках.

Для составления учебников привлекались научные институты языка и литературы. Во многих из этих институтов орудовали классовые враги — троцкистско-националистские бандиты (Осетия, Чувашия, Башкирия, Марийская область). Нередко именно они, пытаясь завладеть таким важным участком классовой борьбы, как учебники литературы и языка, составляли программы, учебники, пособия.

Разумеется, нельзя сказать, что все учебники и учебные пособия составлялись врагами народа. Но стоило составителям проявить политическую беспечность, как антисоветские, антимарксистские идейки классового врага проскальзывали в учебники и пособия. Например, все учебники литературы и языка для средней школы на удмуртском языке пришлось из'ять из обращения. В них попало значительное число троцкистских «произведений».

Это не все. До 7-го класса эти учебники давали учащимся лишь самое смутное представление о литературе народов СССР и в особенности о русской литературе.

Из учебников для 8, 9, 10-го классов учащиеся не могли ничего узнать о фольклоре — источнике художественного слова.

Такое же положение с учебниками и учебными пособиями по литературе других народов.

Например, в армянской школе учащийся лишь на 6-й год изучения литературы встречает в учебнике 25 строк, посвященных фольклору.

В армянских учебниках литературы для 5—10-го классов много места уделено произведениям писателей-националистов, лишенных художественного значения.

Классики европейской литературы представлены в этих учебниках... тремя именами: В. Гюго (9 страниц), Э. Золя (9 стр.), Г. Гейне (2½ стр.). С ними знакомят школьников 5-го класса. Из русских классиков армянским школьникам, по мнению составителей учебника, достаточно слегка знать двух — Пушкина (7 стр.) и Лермонтова (9 стр.).

Современную советскую литературу представляют: Фурманов (3 стр.) и грузинский писатель Лордкипанидзе (16 стр.); в 5-м классе и в 7-м классе Горький (16 стр.), Шолохов (19 стр.) и Наэари — азербайджанский писатель (26 стр.).

Зато врагам народа отведено: Алазану — 90 стр., Норенцу — 40 стр., Тотовенцу — 32 стр., Бакунцу — 62 стр.

Не лучше обстоит дело с учебниками на башкирском, крымско-татарском, украинском языках.

На Украине учебник литературы для 10-го класса был написан врагом народа Б. Коваленко.

Просмотр учебников и программ по литературе для средних школ привел нас к убеждению, что молодежь, оканчивающая среднюю школу, не имеет надлежащего представления о литературе братских народов СССР. В татарских учебниках литературы попадаются, правда, отрывки из произведений башкирских писателей, а в башкирских уделяется место татарским писателям, но литература чувашей, мордвы, Коми, среднеазиатских, закавказских, северокавказских народов, Украины, Белоруссии совершенно не освещается.

Конечно, нельзя требовать введения «уравниловки» в представлении литературы народов СССР. Задача ознакомления школьников с основными литературами народов Советского Союза чрезвычайно сложна. Именно поэтому, при составлении программ по литературе и языку для школ народов СССР этот вопрос должен быть особенно тщательно продуман.

Еще один крупнейший недостаток свойствен учебникам литературы: недооценка литературного наследия. Характеристики творчества Коцюбинского — классика украинской литературы — или Абовяна — классика армянской литературы, данные в превратно-социологическом разрезе, не могут дать элементарного представления об этих крупнейших дореволюционных писателях Украины и Армении.

Вывод из всего этого: надо срочно проверить все учебники литературы и языка народов СССР и из'ять вредные и враждебные. Столь же срочно надо пересмотреть программы по литературе и, наконец, надо привлечь писателей к работе над составлением новых учебников.

Анатоль Франс в изданиях «Академии»

В выходящем в ближайшее время в свет XVI томе собрания сочинений Анатоля Франса появятся романы **«Восстание ангелов»** и **«Боги жаждут»**.

Оба романа сопровождены краткими справками о первом появлении их в печати.

Первоначальная редакция «Восстания ангелов» под заглавием «Ангелы» появилась в газете «Жиль Блаз», где роман печатался с 20 февраля по 19 июня 1913 г. Эта первая редакция романа состояла из 25 глав, отличавшихся от окончательного варианта и содержанием и расположением материала. Газета выпустила опубликованный ею текст отдельным изданием под тем же заглавием «Ангелы». Издание это было затем уничтожено, так как Анатоль Франс занялся переработкой и дополнением романа, изменив его композицию и добавив ряд отрывков и целые главы. В новом виде роман получил название «Восстание ангелов» и был выпущен в свет издательством Кальмани-Леви в марте 1914 года.

Роман «Боги жаждут» появился впервые в журнале «Ревю де Пари», где печатался в пяти номерах — с 15 ноября 1911 г. по 15 января 1912 г. Отдельным изданием роман вышел у Кальмани-Леви в июне 1912 г.

В журнале «Comedia» от 15 апреля 1914 г. была напечатана первая редакция одной из наиболее значительных частей романа — шестой главы.

В собрании сочинений «Academia» роман «Боги жаждут» выходит в переводе Бенедикта Лившица, а «Восстание ангелов» — в переводе Н. Рыковой и З. Шпитальниковой.

Недавно роман «Боги жаждут» был выпущен издательством отдельным изданием в красном и строгом оформлении, с иллюстрациями Т. А. Мавриной.

В ближайшее время появятся отдельным изданием роман «Восстание ангелов», с рисунками Карлегля, и «Кренкбиль» в переводе Н. И. Соболевского.

«Маленькая библиотека» Детиздата

Серия «Маленькая библиотека» — это библиотека маленького ребенка.

Здесь ребенок должен найти сказки и рассказы, басни, стихи и отрывки из крупных литературных произведений; здесь он впервые познакомится с русскими и иностранными классиками, с богатствами фольклора, с лучшими произведениями советских детских писателей.

Дать маленьким детям, едва научившимся читать, хорошие, интересные книги, разнообразные по тематике, по форме, по настроению, но всегда стоящие на высоком литературном уровне; дать книги, способные захватить и увлечь их, и вместе с тем подлинно ценные в воспитательном и образовательном отношении; привить ребятам с самого раннего детства любовь к хорошей художественной литературе — вот сложные и многообразные задачи серии.

До сих пор вышло 26 книг «Маленькой библиотеки». Сказки народные и классические, сборники рассказов дореволюционных писателей, отрывки (главы) из крупных дореволюционных литературных произведений, рассказы советских детских писателей, классические басни, сборник классических стихов, сборник народных песенок, смешные картинки с коротеньким текстом.

Как видим, жанровый подбор чрезвычайно разнообразен.

Посмотрим, сумела ли редакция серии выбрать действительно наиболее интересные и ценные произведения каждого жанра.

Начнем со сказок:

«Три медведя» Л. Толстого, русские народные сказки (о животных), две английские сказки Джекобса, «Заяц и еж» и «Горшок каши» бр. Гримм, «Маленький Мук» Гауфа, «Красная шапочка» и «Золушка» Перро, — все это, конечно, не вызывает никаких сомнений; жаль только, что сказки Перро даны в неудачном пересказе М. Булатова, в значительной степени лишающем эти сказки свойственной Перро оригинальной красочности. Много теряет в переработке Михалкова и чудесная сказка «Три поросенка», сделанная по фильму В. Диснея. Зато очень хорошо Введенским пересказан для маленьких «Маленький Мук».

Сказка Одоевского «Мороз Иванович» — это один из вариантов сказки Гримм «Бабушка Голле». Вариант этот представляет большой интерес. Сказка Одоевского написана с той особой теплотой, которую так ценил в Одоевском Белинский; эта сказка богата и характерными бытовыми моментами. Редакция хорошо сделала, что напечатала это забытое произведение. Вообще раздел сказок в серии можно назвать удачным.

Значительно хуже представлен дореволюционный рассказ. Две книжечки рассказов Толстого и два рассказа Ушинского — вот и все дореволюционные рассказы, вошедшие в серию. Такой отбор не совсем понятен. Этого мало, и это не самое необходимое. Не стоило, пожалуй, включать в эту серию сборник Толстого «Маленьким детям», состоящий из отрывков для упражнения в чтении:

Была у дома лужа,
На лужу сели гуси,
Гуси были серы.

Это очень искусно составленные упражнения, но все же только упражнения. Как чтение и как литературные произведения, они интереса не представляют, а в качестве пособия для овладения грамотой они были бы ценны лишь при условии соблюдения той последовательности, которая была в азбуке Л. Толстого.

Рассказы же Ушинского просто скучны. Детей очень заинтересовывает название «Четыре желания». «Это наверно сказка, как волшебница исполняла желания»—говорят они. Но потом, когда оказывается, что речь идет о противоречащих одно другому четырех желаниях мальчика (чтоб всегда была зима, всегда была весна, всегда было лето и т. д.), дети испытывают горькое разочарование. Не меньше разочаровывает их и второй рассказ «Дети в роще». Нравоучение, что отдых надо заслужить трудом, назойливо лезет в глаза и наводит скуку. Не лучше ли было вместо этих двух книжечек («Маленьким детям» Толстого и «Четыре желания» Ушинского) включить в серию какой-нибудь рассказ Чехова, например «Белолобый», и один из рассказов Мамина-Сибиряка.

Отрывки из крупных литературных произведений выбраны и обработаны удачно. Конечно, по прочтении этих отрывков у ребят остается некоторое ощущение незаконченности, возникает ряд неизбежных вопросов о дальнейшей судьбе героев, но это не так плохо. Оставшиеся без ответа вопросы вызовут желание прочесть произведение в целом, пробудят интерес к творчеству писателя.

Из трех отрывков наибольшим успехом у детей пользуются «Козета» В. Гюго и «Тема и Жучка» Гарина. Девочки особенно любят «Козету». Это классический трогательный рассказ для девочек: страдающая маленькая героиня, возбуждающая горячее сочувствие, таинственный избавитель, благополучный конец, и все это дано правдиво, без сентиментальной фальши, которыми часто грешат «трогательные» рассказы. «Пип» Диккенса читается с большим интересом, но не тем читателем, на которого рассчитана серия: для маленьких он слишком сложен.

Пожалуй, не на маленького читателя рассчитан и прекрасно составленный и изящно оформленный сборничек классических стихов. Это большей частью стихи о природе, пейзаж. Эти стихи будут читать лишь избранные маленькие читатели, любители стихов. Рядовой читатель серии больше заинтересуется другой книжечкой стихов: сборником народных прибауток для маленьких детей — «Песенки».

Чтобы закончить обзор вошедших в серию произведений дореволюционной литературы, остается упомянуть о баснях Крылова и малоизвестных нашим ребятам баснях Л. Толстого.

Большинство включенных в серию произведений советских писателей — рассказы, печатавшиеся раньше в журналах и впервые вышедшие отдельными изданиями.

Из шести книжечек этого рода две («Три рассказа» Чарушина и «Черная семья») посвящены жизни животных, остальные рисуют детский быт, а две дают политически актуальные темы. Из этих рассказов особый интерес представляют «Пороховой погреб» Олейникова и «Иностранка» Вирта. В «Пороховом погребе» Олейников сумел удивительно просто и увлекательно рассказать, как маленькая девочка помогла красногвардейцам во время октябрьского переворота, как она пролезла в узкое окошечко склада оружия и отперла дверь красногвардейцам. Автор не задается целью в коротеньком рассказе дать ребятам представление о Великой Пролетарской революции; он рисует один эпизод и именно такой эпизод, в котором могла принять участие маленькая девочка. Эта девочка не выдвигается на первое место, роль ее в событиях не раздувается. Поступок девочки вытекает из самой ситуации, он возможен для всякого ребенка.

У детей, прочитавших этот эмоциональный рассказ, возникает желание быть на месте маленькой Тани, проявить свою ловкость и храбрость и помочь «красным».

Вирта рассказывает о том, как маленькая крестьянская девочка, пасшая корову по ту сторону границы, забрела на советскую территорию. Жалкую, оборванную, запуганную девочку решают оставить до следующего дня у нас и помещают до утра в детский сад. Автор сумел показать, как хорошо девочке у нас, как не хочется ей возвращаться домой в беспросветную нужду, сумел вызвать у наших ребят сочувствие к детям, живущим за кордоном, и сознание, что их собственное детство сложилось счастливо только благодаря пролетарской революции.

Хороша и включенная в серию песня З. Александровой «Гибель Чапаева».

Таким образом, немногочисленные по количеству книги с политически актуальным содержанием сделаны настолько удачно, что редакцию серии можно поздравить с достижениями в этой области.

Подводя итог всему сказанному, надо признать, что редакция серии, несмотря на некоторые промахи, хорошо справляется со своими сложными задачами.

Лучшим доказательством этому служит огромный успех, которым пользуется серия.

Сельские учителя, школьные и районные библиотекари, руководительницы детсадов единогласно заявляют, что серия «Маленькая библиотека» очень помогает их работе, давая детям младшего возраста доброкачественную книгу.

Таким же успехом пользуется серия и у колхозников, которые, по словам консультанта книжного отдела Мосторга, постоянно покупают для своих детей книжечки этой серии. Конечно, покупателей привлекает и низкая цена книжек (30—80 коп.).

Этот спрос необходимо удовлетворить; если некоторые издания Детиздата можно рассматривать как предметы роскоши, то «Маленькая библиотека» является предметом первой необходимости.

Л. КОН

ПОДПИСКА НА ЗАЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНЫ

Подписка на Заем укрепления обороны СССР с большим под'емом проходит у писателей.

Среди штатных работников литературных организаций Москвы подписка на заем была реализована в течение первых дней после опубликования декрета.

В настоящее время завершена в основном подписка и среди писателей, входящих в различные группкомы.

Закончена подписка на Заем укрепления обороны СССР в группкоме драматургов, где сверх наличного состава членов подпиской охвачены и писатели, не входящие в этот гуппком. Здесь подписка на заем дала **200.525** рублей.

В группкоме при издательстве «Советский писатель» писатели дали взаймы государству **67.150** рублей.

Группком издательства Жургаз-об'единения разместил заем среди своих членов на сумму **31.410** рублей. Подписка в основном закончена.

Более слабыми темпами реализуется подписка в группкоме Гослитиздата. Здесь не охвачено подпиской еще 40 писателей. Общая сумма подписки на заем составляет здесь **76.800** рублей.

Таким образом на 19 июля подписка среди писателей Москвы достигла **375.885** рублей.

Не оформили еще подписку на заем те писатели, которые находятся вне Москвы.

Комсоды должны в ближайшее же время снестись с отсутствующими писателями для окончательного завершения подписной кампании.

★

Ленинградским группкомом писателей подпиской на Заем укрепления обороны СССР охвачено 211 человек. Общая сумма подписки составляет **125.000** рублей.

Подписка на заем в Управлении по охране авторских прав в Ленинграде достигла 220.000 рублей.

«Всего-навсего»

«Какое мужество».

Офорты из серии «Бедствия войны» **Франсиско Гойя.** (Выставка старого испанского искусства в Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина)

Франсиско Гойя (1746—1828) — один из самых блестящих мастеров испанской живописи — был сыном крестьянина. Он прожил большую и бурную жизнь, отразившуюся в его картинах.

Свойственная ему жизнерадостность, горячий темперамент и здоровый оптимизм сменились в зрелом возрасте все более усиливавшимся скептицизмом и отрицанием окружающей действительности. Для Испании конца XVIII и начала XIX вв. были характерны гнет самодержавия, бесправие низших и разложение высших классов.

Такие картины Гойя, как «Майское народное празднество в Мадриде», «Майское дерево» и другие, проникнутые беззаботностью и радостью жизни, сменяются иными. Гойя начинает бичевать паразитизм и вырождение аристократии, ханжество духовенства и т. д. (цикл офортов «Капричос»). Вместо былой многокрасочности появляется сероватая, более спокойная и даже мрачная гамма тонов.

Франсиско Гойя считается родоначальником романтической и импрессионистской живописи. Мировой славой пользуются его картины: «Борьба у «Puerto Sol», «Расстрел французскими солдатами испанских повстанцев», ряд блестящих портретов. Всем известны его графические циклы «Тавроматия» и «Сны» («Пословицы») с их гротескными, часто патологическими образами.

Под влиянием идей французской буржуазной революции Гойя написал несколько произведений на социальные темы, где вывел крестьян и рабочих. Однако, до настоящего времени самым острым, неувядающим и близким нам остается графический цикл «Бедствия войны».

Вторжение в Испанию Наполеона и разгоревшаяся с французами война вызвали к жизни эту сюиту (1810—1813). В офортах, полных трагического, жуткого пессимизма, Гойя вылил весь свой протест против милитаризма, произвола войны. Они были актуальны во время бойни 1914—1918 гг., как и в 1810—1813 гг., когда они были осуществлены. Они не утратили своей силы и сейчас, когда фашистские варвары свирепствуют в Испании. Офорты «Варвары», «Какое мужество» и др., рисующие расстрел мирного населения, храбрость женщин, являются вершиной творчества Гойи и кажутся написанными сегодня.

Я. РОЩИН

Шпионы, диверсанты, убийцы

В советской литературе очень мало уделялось внимания теме шпионажа, теме разоблачения гнусных приемов, с помощью которых враги социализма, внешние и внутренние, пытаются ослабить мощь нашей великой родины. То немногое, что написано на эту тему, как правило, ходульно, надуманно, грешит резким уклоном в «авантюризм», иногда отдает дешевой романтикой буржуазного детектива и часто далеко от той правды, которая помогала бы читателю понять всю суть вопроса.

Когда читаешь такие, с позволения сказать, произведения, то неизбежно (мы постараемся доказать это в специальной статье) начинаешь воспринимать шпионов и диверсантов как некие «демонические» существа, которым чужды земные побуждения, классовые расчеты и которые обладают какой-то «таинственной» силой быть неуловимыми и вездесущими.

Вся эта литературщина не в состоянии вооружить советского читателя, повысить его бдительность, наполнить священной ненавистью к продажной сволочи, действующей из побуждений отнюдь не идеалистического свойства, не останавливающейся ни перед какими мерами для того, чтобы причинить вред Советскому Союзу.

В неизмеримо большей степени выполняют эту функцию вооружения читателя брошюры, о которых идет речь в настоящей статье. Можно пожалеть, что только теперь началась публикация таких материалов. Они раскрывают механику шпионажа, дают отличное представление о системе работы иностранных разведок, о подлейшей практике современного троцкизма, который «есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств» (из доклада товарища Сталина на февральском пленуме ЦК ВКП(б)).

О том, какие методы разведки и шпионажа применяют буржуазные государства друг против друга, рассказывает брошюра американского писателя Р. Роуана «Разведка и контрразведка», печатавшаяся в сокращенном виде в «Правде» и теперь изданная «Молодой гвардией».

Роуан дает сжатый очерк истории шпионажа, особенно подробно останавливаясь на периоде мировой империалистической войны 1914—1918 гг., когда техника шпионажа достигла своего максимального «расцвета». Перед нами проходит целая галлерея шпионов и диверсантов, начиная от крупных акул и кончая мелкой рыбешкой, во всем разнообразии их приемов и «дел».

Целые армии подобных агентов орудуют в буржуазных странах не только во время войны, но и в период «мира» и «дружественных» отношений. Книжка Роуана убеждает нас в этом со всей очевидностью и является хорошей иллюстрацией к словам товарища Сталина на февральском пленуме:

«Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом... Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами».

Совершенно понятно, что главным об'ектом внимания иностранных разведок в наши дни является Советский Союз. Фашистские заправилы всех мастей, кровавые палачи, готовые распять человечество во имя своих преступных целей, превзошедшие свирепостью, жестокостью и цинизмом всех инквизиторов и иезуитов вместе взятых, не могут мириться с существованием страны, успешно построившей социализм и победоносно идущей к коммунизму.

Вот почему они «лучшие» свои кадры шпионов и диверсантов бросают на этот фронт. Эти кадры, направляемые в СССР, проходят предварительно тщательную подготовку.

Цель этой подготовки — в расширении шпионской «клиентуры» в СССР, в «уловлении душ», могущих быть использованными на благо фашизма. В брошюрах тт. Уранова, Вышинского и Заковского приводятся многочисленные примеры той активности, которую развивают враждебные нам силы для того, чтобы завербовать в нашей стране верных помощников в их гнусном деле подрыва оборонной и экономической мощи Советского Союза.

Вернейших слуг фашистские охранки обрели в СССР без лишней затраты энергии. Речь идет, разумеется, о троцкистско-бухаринских ублюдках, которые с энтузиазмом, с подлинным вдохновением законченных убийц и бандитов сомкнулись с элементами, родственными им по чувству ненависти к трудящимся массам, к социалистическому строю. Достаточно прочесть страницы, посвященные в брошюре Л. Заковского методам, которыми пользовалась троцкистско-вредительская банда на «Красном треугольнике» и в Главрезине, а правые реставраторы капитализма — в Ленинградском облпрофсовете и в страхкассе, чтобы убедиться в том, какую находку представляют собою эти негодяи для фашистской разведки.

Но не только заведомых преступников из троцкистско-бухаринского лагеря вербуют охранки. В их тенета очень часто попадают и просто беспринципные люди, неустойчивые, размагниченные, не дающие себе труда подумать, когда это требуется от них, не умеющие контролировать себя, слишком падкие до легких удовольствий и наслаждений и т. п. Какие только слабости не умеют использовать враги в намеченной жертве: хвастливость, самодовольство, завистливость, успокоенность, приверженность к азартным играм, к пьянству.

Одним из распространеннейших методов завлечения людей, опутывания их является использование их «женской» слабости, по выражению т. Вышинского. Примеры этому приводят авторы всех названных нами брошюр. В одном случае мы имеем дело с инженером К., который, познакомившись в Гаграх с дамой, «вероятно, приятной во всех отношениях», охотно поручает ей перепечатать кое-какие важные материалы. Дело кончилось тем, что дама, «воспользовавшись ротозейством этого инженера, оставила материал у себя дома, а на другой день инженер К. не обнаружил ни своих документов, ни дамы, ни ее мужа». Они оказались агентами одной иностранной разведки.

В другом случае на удочку попадается советский командир-летчик, который сводит близкое знакомство в Сочи — опять-таки «располагающая» курортная обстановка — с некоей Г., женой шпиона и разведчика, проникшего в коммунистическую партию и устроившегося на службе в торгпредстве. Результатом этой связи явилось превращение летчика в шпиона, выдавшего военные секреты, выполнявшего определенные поручения иностранной разведки.

Тт. Уранов, Заковский и Вышинский приводят и множество других фактов, свидетельствующих о необычайном цинизме и наглости фашистских агентов, об их умении подлейшим образом использовать отсутствие воли и решительности у одних, патриотического чувства — у других, корыстные, собственнические вожделения — у третьих, недостаток бдительности и элементарной осторожности — у четвертых и т. д.

Представитель одной иностранной фирмы пришел «по делам» к директору завода. «Директор сидит за столом, как растяпа, и уши развесил, а немецкий шпион тащит у него со стола вместе со своими бумажками ценнейший документ о военной промышленности».

В Центральном парке культуры и отдыха иностранный разведчик завел знакомство с комсомольцем, сыном научного работника Д. Разведчик приглашает комсомольца в Большой театр, затем в оперетту. Он входит в семью Д., расширяет круг знакомых—среди них люди, работающие на предприятиях, которые представляют для разведывательных органов определенный интерес. И, «подлавливая, соблазняя, угрожая, играя на всяких слабостях, используя нравственную нечистоплотность и неустойчивость этих, с позволения сказать, «граждан», с некоторыми из знакомых Д. разведчик связался по линии прямого шпионажа».

Советский работник Н., будучи в заграничной командировке, оставил на столе портфель и вышел поговорить по телефону. Шпион воспользовался случаем и подсунул Н. документ с секретным грифом, направленный против страны, где дело происходило. Вместо того, чтобы обратиться куда следует и сообщить о подлой провокации, Н. вступил в переговоры, стал искать компромиссов с незнакомцем — и увяз, запутался, стал послушным орудием в руках фашистской разведки.

Чуть было не оказался в аналогичном положении Л. Учительница, обучавшая его иностранному языку, скромная, миловидная девушка 26 лет, инсценировала, при помощи матерых разведчиков, историю, которая могла печально закончиться для Л. Но в последнюю минуту он нашел в себе мужество рассказать все товарищам и был спасен.

Враги стараются широко раскинуть свои предательские сети, пытаются всюду насадить свои диверсионные ячейки, шпионские и террористические организации. Их приемы коварны, злы, циничны и беспощадны. Они опираются на троцкистско-бухаринское отребье, на кулацких выродков, на все гнилые и деклассированные элементы, обреченные историей на смерть и потому преисполненные лютой ярости к молодому классу-победителю. Процессы зиновьевско-троцкистской организации, троцкистского параллельного центра, кемеровских убийц, презренных наймитов капитализма, шпионов Тухачевского, Уборевича и пр. с огромной силой сигнализируют о необходимости покончить с разгильдяйством и благодушием, с идиотской болезнью беспечности, о необходимости понять, какую угрозу представляет собою капиталистическое окружение, если не противопоставить ему нашу бдительность, нашу крепкую организованность, наше умение быстро распознавать врага.

Брошюры Уранова, Вышинского, Заковского и в определенной степени Роуана помогают изучить методы иностранной разведки. Из них можно узнать, что шпионы вовсе не так «романтичны», как это кажется воображению обывателей. Шпионы — это грубая и омерзительная проза капиталистического общества и торжествовать она может лишь там, где притуплена не только бдительность, но и честное отношение к труду, обществу, к родине. Вот почему у нас проваливаются все вражеские затеи, вот почему органы НКВД с такой методичностью и уверенностью разрушают все змеиные гнезда шпионов, диверсантов и вредителей: ведь славная советская разведка опирается на помощь и поддержку всего народа, всех трудящихся масс нашей страны, преисполненных решимости — героически защищать и бесконечно умножать завоевания Великой Пролетарской революции.

Но, как свидетельствуют об этом все факты и примеры, приведенные авторами брошюр, враг изворотлив и изобретателен. Уничтожить его окончательно можно только путем напряжения всех наших нравственных сил, всей нашей воли и политического сознания. Было бы, однако, наивно ждать каких-то постоянно действующих рецептов для распознавания врага. Нужно только уметь подчиняться правилам социалистического общежития, как они предусмотрены в великой сталинской Конституции. «Нужно просто каждому взять себе за правило вести себя с любым человеком так, что если этот любой человек окажется врагом, то все равно он ничего не сможет извлечь из знакомства с тобой для своей вредительской и шпионской деятельности против Советского Союза» (Вышинский). Нужно овладеть непобедимым оружием большевизма, ибо, как совершенно правильно подчеркивает в своей интересной брошюре тов. Заковский, «в арсенале большевизма имеется достаточное количество средств, которые, будучи приведены в действие, смогут парализовать и уничтожить самые хитроумные и изощренные комбинации иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской агентуры».

Р. Роуан — Разведка и контрразведка. Изд. «Молдая гвардия». Стр. 63, цена 55 коп. 1937 г.

С. Уранов — О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок. Партдизат ЦК ВКП(б). Стр. 22, цена 20 коп. 1937 г.

А. Вышинский — Некоторые методы вредительской диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков. Партиздат ЦК ВКП(б). Стр. 31, цена 20 коп. 1937 г.

Л. Заковский. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. Партиздат ЦК ВКП(б). Стр 40, цена 20 коп. 1937 г.

А. ЖАРОВ

Яшка

Яшка Градов — ладный парень.
Прислонившись у ворот,
Он играет на гитаре,
Он играет и поет:
«Выпьем мы за Дусю,
Дусю дорогую.
А потом, как выпьем,
Так нальем другую»...
Тятьку в ссылку угоняли,
Яшка был навеселе.
Дядя с тетей на канале.
Яшка дома, на селе.
Он от тятьки отрекался,
Он от дядьки отрекался.
Одинокой жизнью жил.
Прежде Мельниковым звался.
А когда в колхоз вписался,
То фамилию сменил.
Он ходил всегда веселым.
Говорить любил притом:
Хорошо, что взят под школу
Распроклятый тятькин дом.
Двухэтажный дом сосновый,
Нашим деткам служит пусть.
Пойду к Варе Одинцовой,
В комсомольцы попрошусь.
Активистом буду ярым...
Яшка в тир ходил недаром:
На ковбойке два значка.
Да к тому ж еще гитара
С песней про Железняка.
Перед Дусей Яшка хвастал,
Что ему-де все равно
На какой итти участок...
И пошел в ее звено.
Яшу Дусина мамаша
Расхвалила — нет житья:
— Вот бы нам, Дуняша, Яшу...
Яшу взять к себе в зятья.
Приютили сироту бы...
Прямо в дом из-под венца.
Он себе две лисьих шубы
Поприпрятал от отца.
Поневоле, через силу
Дуся слушала родню.
Дуся с Варей говорила
И мамашу пожурила,
Распекла за болтовню.
Яшка в тир ходил недаром:
На ковбойке два значка.
Яшка бил наверняка.
Дусе нравилась гитара,
Песня про Железняка.
Со струны срывались звуки
И неслись под небеса.
Как легки у Яши руки...
Темноклетчатые брюки.
Темнокарие глаза.
Сердце девушки — не камень.
Да и камень без труда
Размывает ручейками
Говорливая вода.
Не узнать никак девчонку:
Дуся выпустила челку,
Кудри шпилькой навила,
С мелким бисером заколку
У подруги заняла.
Вниз по речке легкой лодкой
Бойко двигались дела.
Дуся—в загс, а мать—за водкой.
Словом, долго ли, коротко ль —
Свадьба сыграна была.

Рано утром Дуся — в поле.
Муж с постели не встает.
Нынче болен. Завтра болен.
То спина. А то живот.
Банки ставил. Пил малину.
Теплый пар держал у рта.
И ворочался на спину
С живота.
Полежит в уединеньи.
(Тещи нет и нет жены.)
И — в обратном направленьи:
На живот
Со спины.
Но с лица бедняга Яша
Не бледнел и не худел,
Ел исправно щи да кашу
И к сметане с простоквашей
Склонность явную имел.
Пообедав, к самовару
Шел немного погодя.
Даже пару раз гитару
Ухитрялся снять с гвоздя.
Гладил гриф. Щипком небрежным
Тихо пробовал струну.
Вспоминал при этом нежно
Благодатную жену.
Слава богу, дней печальных
Завершился оборот.
Кто теперь его начальник?
Только Дуся. Звеньевод.
Промышляет Дуся в поле
Хорошо по части льна.
Там за мужа лен прополет,
Травку выщиплет она.
— С ней не будешь посрамлен,
А придет, — скажу плутовке,
Что влюблен в душистый лен,
В светлый лен ее головки.
Дуся с Варей говорила.
Дуся Якова журила
И просила, как жена.
Дуся вскоре сообщила,
Что звено постановило
Яшку выгнать из звена.

Глава из новой поэмы «Варя Одинцова».

«День Красной армии»

Сборник ленинградских писателей

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). К двадцатилетию Рабоче-Крестьянской Красной армии Ленгослитиздат готовит сборник ленинградских писателей «День Красной армии». В сборнике участвуют Б. Лавренев, М. Слонимский, Ю. Берзин, Г. Гор, Л. Раковский, В. Кнехт, П. Лукницкий, Н. Брыкин, Ф. Князев и др.

К славной годовщине РККА будут выпущены: книга повестей и рассказов о гражданской войне Б. Лавренева, новые книги: В. Кнехта — «Сердитый дивизион», М. Чернокова и А. Молчанова, — о гражданской войне и интервенции на Севере и М. Подзелинского — «Третий поход».

Выйдет также сборник стихов и пьес о Красной армии.

В колхозе «Красная звезда» Хорольского района, Харьковской области на время уборки организована **полевая библиотека**. На снимке: выдача книг в поле. Слева — библиотекарь **С. А. Крыжко**. (Союзфото)

Сосна лирическая

В Москве, в помещении Всекохудожника, открыта выставка работ московских живописцев, организованная Всесоюзным комитетом по делам искусств и московским союзом художников. Новичков, «первенцев» здесь мало. Большинство картин принадлежит кисти выступавших уже художников: С. Я. Адливанкина, Е. А. Кацмана, Ф. А. Модорова, Ф. К. Лехта, Ф. А. Кузнецова и др. Представлены и несколько крупных советских мастеров: М. С. Сарьян («Поселок Армении»), М. П. Кончаловский («Разгрузка рыбы»), Ю. Пименов («В кафе»).

Нам известно, что из двух с половиной тысяч картин, поступивших на выставку, жюри отобрано всего 425. Поэтому можно было думать, что мы увидим здесь большие (не только по площади!), запоминающиеся полотна. Увы! — надежда не оправдалась.

Одно из центральных мест занимает картина А. И. Никулина «Партизаны Алтая». Горы, горная долинка, весь ландшафт сделаны в хорошем, если можно так выразиться, цветовом ключе. Неплоха и композиция. Но человеческие фигуры плакатны, образ белогвардейцев, допрашивающих партизан, ходулен, как знаменитый стандартный кулак с кирпичными щеками, бородой лопатой, большим брюхом и подолом рубахи, выглядывающим из-под жилетки.

«Первый митинг на полюсе» Решетникова, как картину, сделанную, по всей вероятности, «в последнюю минуту», трудно критиковать. Хорошо, что художника вдохновила самая животрепещущая тема дня, но выполнение ее следует признать лишь наброском будущей картины. Кучка людей, столпившихся вокруг воткнутого в лед шеста со знаменем, статична, позы никак не передают огромного радостного возбуждения первых советских людей на «верхушке» мира.

Сух и безжизнен также «Портрет Героя Советского Союза Чкалова» кисти М. О. Штейнера.

Больше экспрессии — но это экспрессия чисто внешняя, не раскрывающая внутреннего содержания образов, — в картине И. А. Мещерякова «Челюскинцы выбирают место для аэродрома».

Очень плоско, совершенно не передавая мощи советского морского флота, Г. С. Обухов изобразил «Советские крейсеры в открытом море».

Перечисленными, да еще несколькими вещами можно исчерпать перечень работ, непосредственно «отражающих» наше героическое сегодня и вчера. Почти все остальное — различные натюрморты.

Натюрморты — жанр, разумеется, вполне законный, даже обязательный, но когда они, а также «лояльные» пейзажи задают тон всей выставке, хочется сказать ее устроителям: «Нельзя же, товарищи, до бесчувствия!».

Многие художники, экспонирующие свои работы, живут как бы в окрестностях современности, притом довольно далеких. Художница А. И. Якушева откликнулась на события в Испании этюдом «Испанские апельсины». Так сказать, революционный Sturm und Drang в образе мирных апельсинов среди чайного прибора.

Еще более невозмутим Н. П. Глущенко: голубенькая картинка, уютный морской заливчик, невинное суденышко. И все это называется — «Пейзаж в Испании».

Только художник Ф. А. Модоров ближе подошел к сегодняшней Испании. Он очень тепло, хотя в несколько притушенной световой гамме, дал два портрета: «Испанская республиканская учительница Гомец Амилия» и «Портрет Замора».

Величественная эпопея колхозной жизни почти не нашла отражения на выставке. Вот довольно большое полотно Н. Я. Белянина. Хочется задать вопрос жюри выставки: неужели оно не сочло зазорным выставлять это рабское подражание Левитану? Очистившаяся от льда речушка. Березки на берегу. Почему это называется колхозной землей?

Подобных художественных отписок на выставке немало. Современность — только в названиях. В картине «Донбассцы на отдыхе» изображен речной пляж и несколько голых фигур. Мы не собираемся утверждать, что донбассцы даже в трусиках не расстаются с шахтерской лампочкой и с кайлом. Но разве не обязан художник найти такое преломление действительности, в котором ярко проступали бы характерные ее черты?

Как отражены на выставке другие стороны нашей жизни, например, жизнь молодежи? Почти никак. «Портрет пионера» С. Я. Адливанкина тускл, невыразителен. «Пионерка за чтением» Бржесской несколько живее, но не поднимается над средним уровнем. Хороша по краскам и композиции картина художника В. Г. Одинцова «Стихи»: девушка, опершись на руку читающего юноши, задумчиво слушает.

Хочется отметить сочную кисть, уверенную, по обыкновению «грубоватую» манеру Кончаловского в картине «Разгрузка рыбы», как бы светящийся изнутри этюд Н. И. Струнникова «Женская голова».

Если не считать картины А. С. Ставровского «Декабрь», то нельзя упрекнуть участников выставки в явных формалистических грехах. Но забота о форме и равнодушие к содержанию ощущаются весьма явственно. В большинстве работ мало движения, большевистской идейности.

Эпоха звучит так приглушенно, что услыхать ее голос нелегко.

Большинство художников как бы застыло на упражнениях в живописи, на изображениях той самой «лирической сосны», доступ которой на выставку, по словам председателя ее жюри тов. Вескина, оно старалось сильно ограничить. Видимо, намерение это выполнено не с той решительностью, какой требовала организация выставки лета 1937 года.

ЯГ.

КОНГРЕСС ГЕОЛОГОВ МИРА

Завтра в Москве открывается XVII Международный геологический конгресс.

Первый конгресс происходил в 1878 году в Париже. С тех пор они созываются каждые 3—4 года. Последний — XVI конгресс заседал в Вашингтоне. В нем участвовали 265 иностранных ученых.

На конгрессе в Москве будут участвовать более **400** ученых-иностранцев и **600** советских.

Международный геологический конгресс — крупнейшее событие, интересное не для одних ученых. Темы докладов, которые будут слушаться на конгрессе, помимо их глубокого научного и практического значения, увлекательны сами по себе. Такова, например, тема о возрасте земли. Над этой проблемой работает академик Вернадский. Разработанный им радиологический метод исчисления возраста земли позволяет с большой точностью исчислять возраст различных пластов земной коры, насчитывающих десятки и сотни миллионов лет. До сих пор такие исчисления были весьма относительны.

Не менее интересна и тема о закономерностях в движении земной коры. Как образовались те или иные горы? Почему легли они в таком, а не ином направлении?

В геологии теория и практика неотделимы ни на мгновение. Геологи — не кабинетные ученые. В нашей стране, с ее огромными пространствами, богатейшими залежами полезных ископаемых — нефти и угля, золота и платины, железа, марганца, меди, олова, свинца и т. д., и т. д. — профессия геолога требует не только знаний, но энергии, выносливости, мужества. Эта профессия увлекает нашу молодежь — юношей и девушек.

Потребность в минеральном топливе непрерывно растет во всем мире. Вокруг нефти и угля разгораются особенно острые конфликты между капиталистическими хищниками. Мир напуган «теорией» об истощении на земле запасов нефти и угля.

Исчисление мировых запасов нефти и угля — одна из центральных задач конгресса. **26** докладов будут посвящены нефти и **23** — углю.

Советские геологи с 1 июля знакомят своих иностранных гостей с богатствами нашей родины. Состоялись уже четыре экскурсии — северная, южная, кавказская и пермская. Предстоят еще пять экскурсий после конгресса.

Многие иностранные геологи искренне интересуются новой жизнью, которую строят граждане советской страны, и обычаями народов Союза.

Вильфред Норман Эдуардс — заведующий Палеоботаническим отделением Британского музея (Лондон) — состоит членом английского общества по оживлению народного танца и песни. На него особенное впечатление произвели национальные танцы и музыка Башкирии.

С горными богатствами Советского Союза участники конгресса ознакомятся и на специальной выставке в залах Консерватории.

На новой сводной геологической карте СССР почти не осталось «белых пятен». Советские геологи покрыли их яркими красками, характеризующими различные виды ископаемых, найденных в неведомых ранее местах.

А. МАКАРЕНКО

В семье Веткиных

Из «Книги для родителей»

ОТ АВТОРА

«Книга для родителей» — это отнюдь не методика семейного воспитания. Ее цель — привлечь внимание родителей к узловым вопросам семьи. Такими вопросами являются: отличие новой семьи от старой, проблемы дисциплины и родительского авторитета, единство семьи как коллектива, цельность и крепость семьи и т. д. Эти вопросы освещаются в отдельных главах книги, состоящих из прямых указаний и выводов и иллюстрирующих новелл, рассказов и повестей.

Предлагаемый отрывок взят из повести о семье Веткиных, в которой автор пытается иллюстрировать возможность хорошего советского воспитания в большой, многодетной, не вполне обеспеченной семье.

«Книга для родителей» будет напечатана в журнале «Красная новь».

В семь часов я отправился к Веткиным. На веранде сидел у стола Степан Денисович и читал газету. У летней кухни, построенной в сторонке, хозяйничали Анна Семеновна и Оксана. Оксана глянула на меня, не отрывая рук от сковородки, и радостно улыбнулась, сказав что-то матери. Анна Семеновна оглянулась, подхватила фартук, завертела им вокруг пальцев и пошла мне навстречу:

— Вот как хорошо, что пришли! Ванька говорил, что придете. Степан, ну принимай же гостя, довольно тебе политикой заниматься!

Степан Денисович снял очки, положил их на газету. Потом правой рукой ухватил бороду и озабоченно засосал губами. Но это была озабоченность гостеприимная и чуточку ироническая. В дверях хаты стоял Ванька старший, он ухватился обеими руками за притолоку и улыбался. Под одной его рукой прошмыгнул в хату Васька, а из-под другой руки, опершись на колени ручонками, выглядывала краснощекая Маруся и щурила на меня счастливые глазенки.

Через пять минут мы расположились за большим столом на лавках. На столе не было скатерти, но он блестел головокружительной чистотой натурального дерева.

В комнату шумно влетела семилетняя Люба с лицом оливкового оттенка. Шея ее была украшена ожерельем из красных ягод растения, называемого в наших местах глодом. Люба воскликнула:

— Ой, опоздала, опоздала! Ванюшка *, давай!

Кареглазый суровый Ванюшка присел у нижней полки шкафика и спокойно методически начал подавать Любе сначала корзинку с нарезанным хлебом, потом глубокие тарелки, потом несколько ножей, две солонки и алюминиевые чайные ложки. Сестра отвечала суровому спокойствию Ванюшки самой горячей деятельностью вокруг стола, отчего по комнате прошел даже какой-то особенно милый и теплый ветерок. Пока Люба и Ванюшка накрывали на стол, Ванька старший и Витька вытащили из-под спального помоста два маленьких «козлика» и уложили на них широкую доску, такую же блестящую, как и стол. Рядом с помостом, таким образом, протянулся длинный походный столик, и на нем немедленно стали тарелки, принесенные бурным вихрем оливковой Любы. Не успел я оглянуться, как за этим столиком начала собираться компания: Маруся, Вера, Гриша, Катя и Петя — вся семейная мелочь в полном составе. Каждый из них приволок с собой и мебель. Маруся выкатила из-под помоста круглый чурбачок, близнецы Катя и Петька пришли из другой комнаты. Они вошли серьезные и даже озабоченные, и оба прижимали к седалищным местам крошечные сосновые табуреточки. Эти явились, так сказать, в совершенно оборудованном состоянии. Так, не отнимая от собственных тел табуреточек, они и протискались за импровизированный стол и, как только уселись, затихли в серьезном ожидании.

Четырехлетняя Вера отличалась, напротив, веселым характером, она была очень похожа на Марусю, такая же краснощекая и живая, только у Маруси уже отросли косы, а Вера стрижена под машинку. Она, как только уселась за стол, ухватила алюминиевую ложку и о чем-то загримасничала, ни к кому, впрочем, не обращаясь, просто в яркое, летнее, солнечное окно, а ложкой застучала по столу. Ванюшка от шкафика оглянулся на нее и сердито нахмурил брови, намекая на ложку. Вера загримасничала на Ванюшку, лукаво заиграла щечками и высоко замахнулась ложкой, угрожая с треском опустить ее на тарелку. У нее уже готов был сорваться закатистый громкий смех, но Ванька старший поймал ее ручонку вместе с ложкой. Вера подняла на него прекрасные большие глаза и улыбнулась нежно и трогательно. Ванька, не выпуская ее руки, что-то зашептал ей, наклонившись, и Вера слушала его внимательно, скосив глазки, и шептала тем срывающимся на звон шепотом, который бывает только у четырехлетних:

— Ага... ага... нет... не буду...

Я залюбовался этой игрой и пропустил самый торжественный момент: и на нашем столе и на примостке «мелочи» появились чугунки с картофелем, у нас побольше, у «мелочи» поменьше, а Анна Семеновна уже была не в темном кухонном фартуке, а в свежем, ярком, розовом. Оксана и Семен принесли две глубокие миски с жареными грибами и поставили их на столах. Семья спокойно рассаживалась. К моему удивлению, Ванька старший уселся не за нашим столом, а за примостком, с узкого конца, рядом с Марусей. Он весело нахмурил лицо и приподнял крышку над чугунком. Из чугунка повалил густой ароматный пар. Маруся надула щечки, заглянула в чугунок, радостно обожглась горячим его дыханием и неожиданно громко запела и захлопала в ладошки, оглядывая всю свою компанию:

— Картошка в одежке! Картошка в одежке!

Наш стол сочувственно оглянулся на малышей, но они на нас не обратили внимания. Вера тоже захлопала и тоже запела, хотя она картошки еще и не видела. Катя и Петька попрежнему сидели серьезно и озабоченно, на чугунок даже не посмотрели, очевидно, не сомневались в своем прекрасном ближайшем будущем.

Степан Денисович сказал:

— У Веры будет контральто. Слышите, она вторит? Только чуточку диезит, чуточку диезит...

Ванька старший уже накладывал картофель в тарелку Веры и сказал ей с шутливой угрозой:

— Верка, ты чего диезишь?

Вера прекратила пение.

— А?

— Диезишь чего?

Вера переспросила:

— Едишь? — но в этот момент картошка произвела на нее уже более сильное впечатление, и она забыла о своем вопросе.

Анна Семеновна положила в тарелку мужа, мне и себе и передала бразды правления Оксане. Все занялись раздеванием картошки. Но Ванька старший вдруг вскочил из-за примоста и вскрикнул панически:

— Селедку ж забыли!

Все громко засмеялись. Только Степан Денисович укоризненно глянул в сторону Ваньки:

— Ах, чудак! Так и картошку могли без селедки покончить!

Ванька выбежал из хаты и возвратился запыхавшись, держа в обеих руках глубокие тарелки, наполненные нарезанной селедкой, перемешанной с луком.

— Селедка — это его инициатива,— сказал Степан Денисович,— ах, ты чудак, чуть не забыл!

Я тоже улыбнулся забывчивости Ваньки. И вообще мне хотелось улыбаться в этой приятной компании. Мне и раньше случалось бывать в гостях, и я не помню случая, чтобы меня принимали вот такой простой и единодушной семьей. Обыкновенно детей удаляли в какие-то семейные закоулки, и пиршество происходило только между взрослыми. Это правило применялось тем строже, чем определеннее было мое начальственное положение по отношению к хозяевам. Я поставил нота-бене на этом важном обстоятельстве. Занимали меня и многие другие детали ужина. Мне очень понравилось, например, что ребята умели в каждый момент об'единить и интерес ко мне, как к гостю, и участие в общем течении событий, и память о каких-то своих обязанностях, и в то же время не забывали и о собственных делишках. Они радостно блестели глазами и деятельно интересовались происходящим за столами, но в интервалах умели касаться таинственных для меня, потусторонних тем, потому что я вдруг ловил ухом такие отрывки:

— Где? На речке?

Или:

— Не «Динамо», а «Металлист»...

Или:

— Володька брешет! Он не видел!

Володька упоминался, вероятно, чубовский. Существовали какие-то пограничные области, на территории которых этот Володька «брехал».

Все эти обстоятельства и занимали меня и радовали, но одновременно с этими переживаниями я почувствовал самый неприкрашенный нахальный аппетит: страшно захотелось вдруг картошки с грибами. А здесь еще была и селедка. Она не была уложена в парадной шеренге на узенькой специальной тарелочке, и кружочки лука не обрамляли ее нежным почетным эскортом, вообще в ней не было ничего манерного. Здесь селедка красовалась в буйном изобилии до самых краев глубокой тарелки с красненьким ободком. И белые сегменты лука были перемешаны с кусками селедки в дружном, облитом подсолнечным маслом, единении.

За ужином шел разговор о новой и старой жизни.

— Мы с жинкой и раньше ничего не боялись,— говорил Степан Денисович,— а на самом деле много было таких предметов, что их нужно было бояться: во-первых, нужда, во-вторых, урядник, в-третьих, — скучная была жизнь. Скучная жизнь для меня — самое противное!

— А теперь жизнь веселее?—спросил я.

— Смотря как веселиться,—улыбнулся Степан Денисович, заглядывая в чугунок с картошкой.— Вот Оксана поступила на рабфак. Как не считай, а через восемь лет будет, это легко сказать,— инженер-строитель! Моему батьку за шестьдесят лет жизни приснилось, если так прикинуть, до двадцати тысяч снов. Ну, и что ему там снилось,— всякая ерунда и фантазия. А я гарантирую, не могло ему такое присниться, чтобы его дочка— инженер-строитель. Не могло! Даже, допустим, в пьяном виде.

— А тебе снилось?—спросила, шибанув глазами, Анна Семеновна.

— А что ж ты думаешь? Даже вот вчера приснилось, будто Оксана приехала и дает мне подарок — шубу какого-то такого меха, я во сне и не разобрал, какой это мех. Я и говорю ей: для чего мне такая шуба, мне в кузнице в такой шубе неудобно. А она отвечает: «Это я не для кузницы, а поедем на стройку. Я, говорит, радиостанцию на земле Франца-Иосифа строю, а ты у меня поживешь, без шубы туда ехать нельзя». И сама она будто в такой громадной шубе, как боярин какой.

Оксана рядом со мной нахмурила умные, аккуратные бровки и покраснела не столько от сообщения отца, сколько от всеобщего внимания,— всем приятно было посмотреть на будущего строителя радиостанции на земле Франца-Иосифа. Васька сказал Оксане:

— Оксана! И я с батьком поеду. Ты мне валенки привези.

За столом засмеялись, и посыпались подобные же деловые предложения. Ванька старший спросил, не скрывая улыбки:

— А я тебе не снился, батько? Это очень для меня важно.

— И ты снился.— Степан Денисович с шутливой уверенностью мотнул бородой над тарелкой.—Как же, снился, да только нехороший сон. Пошел будто бы ты в гости к дяде, а тут бегут ко мне люди и кричат: скорее, скорее, у Ваньки вашего живот заболел, яблоко у дяди скушал.

Все закатились смехом.

Теперь все смотрели счастливыми веселыми глазами на Ваньку. Ванька стоял у своего примостка и, не смущаясь, тоже смеялся, глядя на отца. И спросил громко-весело:

— Ну, и что? Умер... от отравления?

— Нет,— ответил батько,— не умер, сбежались люди, карета скорой помощи приехала, отходили.

Когда картошка была с'едена, сам Степан Денисович внес большущий, начищенный до изнеможения самовар, и мы приступили к чаепитию. Оно было оборудовано просто и оригинально. На больших из тонкой лозы блюдах принесены были два коржа, диаметром каждый не меньше полуметра. Я и раньше в своей жизни встречал такие коржи, и всегда они потрясали меня своим великолепием. Очень возможно, что они цепляли нежные национальные струны моей украинской души. Это были знаменитые «коржи з салом», о которых сказано в народной мудрости: «навчить біда коржи з салом їсти».

Сало вкрапляется в тело коржа редкими кубиками, и вокруг них образуется самое приятное, влажное и солоноватое гнездышко, наткнуться на которое и раскусить и составляет истинную сущность гастрономического наслаждения. Верхняя поверхность коржа представляет необозримую равнину, кое-где белого, кое-где розового цвета, а на равнине там и сям разбросаны нежные холмики, сделанные из сухой тонкой корочки. Корж «з салом» нельзя почему-то резать ножом, а нужно разламывать, и его горячие слоистые изломы составляют тоже одну из неповторимых его особенностей.

Семья Веткиных встретила коржи возгласами восхищения. За столом «мелочи» устроена была настоящая овация, даже близнецы Катя и Петька бросили свое стоическое равнодушие и разразились звонкими капельками неуверенного, неопытного смеха.

За нашим столом Семен и Витька, очевидно, не предупрежденные о появлении коржа, удивленно на него воззрились и, как будто сговорившись, закричали:

— У-ю-юй! К-о-орж!!

Сам Степан Денисович приветствовал корж сиянием рыжего лица и потирал руки:

— Это, я скажу, достижение! Культура здесь, будем прямо говорить, кулацкая, но с'есть его не только можно, но и полезно!

★

С этого ужина началось мое близкое знакомство с семьей Веткиных. И до самых последних дней я остался другом этой семьи, хотя, признаюсь, в моей дружбе есть и элемент утилитарности, многому можно поучиться у Веткиных, и главное — над многим задуматься.

*) В семье Веткиных два Вани по недоразумению: Ванька и Ванюшка.

Горьковский номер «СССР на стройке»

С обложки журнала «СССР на стройке», прикрыв глаза рукой, как щитом от яркого солнца, смотрит на зрителя А. М. Горький. Он глядит на мир, преображенный человеком, восставшим против векового рабства и построившим общество, основанное на справедливых отношениях между людьми, где нет угнетения и эксплоатации; он глядит на радостный и счастливый социалистический мир, для создания которого он потратил немало энергии и труда.

«С первого же своего появления в литературе, — говорится в передовой журнала, — бывший булочник, грузчик — стал в ряды разрушителей старого мира. Книги его, с такой небывалой, почти физической силой толкавшие на борьбу за справедливость, зажегшие в миллионах эксплоатируемых людей действенную жажду красоты и полноты жизни, — сделали Горького массовым, любимым, истинно народным писателем. Ни один литератор нашей эпохи не нанес обществу угнетателей таких действительных ударов, как он, ни одному литератору не удалось в такой мере, как ему, стать участником и строителем нового мира».

И перед читателем журнала «СССР на стройке» из прекрасно подобранных горьковских фотодокументов, сопровождаемых кратким, но выразительным текстом самого Горького, возникает образ замечательного человека, бесстрашного борца за дело Ленина—Сталина, гениального мастера слова и родоначальника новой, социалистической литературы.

Первые страницы журнала знакомят нас с детскими и юношескими годами Горького.

Фототипия выписи из метрической книги от 16 марта 1868 г. о рождении А. М. Пешкова. Дом в Нижнем-Новгороде, где родился Горький. Дом деда М. Горького — В. Каширина в Нижнем-Новгороде. Школа в Нижнем-Новгороде, в которой учился Горький. Снимки Нижнего-Новгорода восьмидесятых годов. Хозяева иконописной мастерской — у них работал Горький. Пароход «Добрый» — М. Горький служил на нем посудником. Типы крючников и босяков, к которым уходил Горький, потому что считал их «необыкновенными людьми». «Чтобы не голодать — пишет Горький — я ходил на Волгу к пристаням, где легко было заработать пятнадцать, двадцать копеек. Там среди грузчиков, босяков, жуликов, я чувствовал себя куском железа, сунутым в раскаленные угли, — каждый день насыщал меня множеством острых, жгучих впечатлений» («Мои университеты»).

И здесь же обложки книг, «окрылявших ум и сердце» и не позволивших захлебнуться в болоте «глупости и пошлости». «Подлинная история маленького оборвыша», «Записки охотника», «Сочинения А. С. Пушкина», «Тайны современного Петербурга», «Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя».

Первые шаги литературной деятельности и первые связи с революционными силами России: газеты «Волгарь», «Самарская газета», «Кавказ»; Горький в редакции «Нижегородского листка»; революционеры — Ромась, Н. Е. Федосеев; первый писатель, с которым познакомился Горький — В. Г. Короленко.

Наконец, первый сборник «Очерков и рассказов» в издании Дороватовского и Чарушкина. Горький и Толстой, Горький и Чехов, Горький и Художественный театр.

Революционная борьба. Пресненские баррикады. 9 января. Страстные призывы к рабочим. «Вы (рабочие) должны показать старому миру ханжей и лицемеров, что именно в сердце рабочего горит истинный огонь любви к человеку, в нем пылает пламень веры в братство людей, вы должны показать этот пожар в груди слепым глазам жалких и сытых... и пусть они вздрогнут в предчувствии бессилия своего и пусть надгробным пением подыхающему от пресыщения миру злобы и жадности, миру лжи и жестокости прозвучит наш боевой, святой наш лозунг, лозунг братства народов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» («К рабочим»).

Все силы старого мира — царь и жандармы, либеральные ученые и меньшевистские критики ополчились против Горького. Преследования, слежка, тюрьма стояли на его революционном пути. Вот нижегородская тюрьма, где отбывал заключение А. М. Горький в 1901 году. Камера бастиона Петропавловской крепости, Метехский замок — тюрьма в Тифлисе.

Но ни тюрьмы, ни ссылки не сломили железной воли Горького. Его популярность и любовь к нему трудящихся все росли. Великий пролетарский писатель сблизился с вождем пролетариата В. И. Лениным. И читатель, перелистывая журнал, видит Ленина и Горького на Капри.

Великая социалистическая революция. Работа Горького с интеллигенцией. Годы лечения в Сорренто. Триумфальное возвращение в СССР в 1928 году. Толпы людей на площади у Белорусско-Балтийского вокзала, встречающих Горького. Сам Горький, радостный и счастливый, выходит из вагона.

Гигантская работа Горького в СССР. Сталин и Горький. Горький у рабочих Трехгорной мануфактуры. Горький и Киров на Балтийском заводе. Микоян, Горький, Ворошилов. Горький и члены правительства на физкультурном параде. Горький на первом Всесоюзном с'езде писателей.

Последние годы жизни в Крыму — в Тессели.

Скорбные дни советской страны и всего мира — смерть Горького.

Журнал «СССР на стройке», посвященный памяти А. М. Горького, — яркое явление в культурной жизни нашей страны. Он сделан с любовью к великому писателю и необходимой тщательностью. Прекрасный подбор фотоиллюстраций. И. Бабель, составивший план номера, написавший блестящую передовую и мастерски смонтировавший фотоиллюстративный и литературный материал горьковского номера, показал себя талантливейшим журналистом.

Но все же, несмотря на умело составленный план и безукоризненный монтаж материала, следует отметить некоторые недочеты этого номера. Недостаточно освещена гигантская работа Горького с интеллигенцией в первые годы Великой социалистической революции; мало показана роль Горького как организатора западноевропейской интеллигенции, выступающей на борьбу с фашизмом; не отражена также повседневная, но поистине грандиозная работа Горького с советскими писателями.

Недостатки эти, конечно, ни в какой мере не могут умалить значение прекрасной работы коллектива журнала. Горьковский номер журнала «СССР на стройке» — замечательный подарок советскому читателю.

Н. ГАВРИЛОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1802 год
Родился А. Дюма

Сто тридцать пять лет назад, 24 июля 1802 г., родился знаменитый французский романист и драматург А. Дюма (отец).

Дюма — один из самых плодовитых писателей в мировой литературе. Ни одно издательство не выпустило полного собрания его сочинений,—оно заняло бы около 500 томов.

В расцвете творчества Дюма успевал в некоторые годы издавать до 50 томов новых произведений. Как доказали эксперты на одном из возбужденных против Дюма процессов, одному человеку в течение года невозможно было не только написать, но даже переписать эти книги. Дюма вынужден был признаться, что широко пользовался помощью секретарей и сотрудников, собиравших ему материалы и подготовлявших черновые варианты романов. Однако вряд ли возможно упрекать Дюма в присвоении чужого творчества. Все его произведения, написанные вместе с сотрудниками и без них, выдержаны в одной и той же манере письма. И к тому же ни один из его сотрудников в своих самостоятельных работах не обнаружил даже тени того таланта, которым запечатлены произведения, написанные, или хотя бы обработанные, самим Дюма.

Дюма выступил на литературном поприще как драматург. В сороковых годах прошлого столетия некоторые парижские газеты ввели у себя роман-фельетон. Первым таким романом, печатавшимся в газете «Siècle», были «Парижские тайны» Эжена Сю. Громадный успех этого романа соблазнил Дюма, и в 1843 году он опубликовал «Асканио», в 1844 году — «Трех мушкетеров», в 1845 году — «20 лет спустя». Одновременно с этими двумя романами он написал и опубликовал в 1844—45 гг. «Графа Монте-Кристо». И так ежегодно, работая вместе со своими сотрудниками по 12—15 часов в сутки, он начал выпускать десятки томов новых книг.

Надо отметить весьма заметную реакционную тенденцию в романах Дюма. Все его положительные герои черпают благородство и мужество в преданности королевской власти. В романах, посвященных революции 1789 года, симпатии автора неизменно остаются на стороне короля и королевы, а портреты революционеров написаны самыми неприглядными красками.

Художественные достоинства романов Дюма весьма спорны. Как бы благосклонно ни относиться к его романам, в них не найти ни глубокой мысли, ни искреннего чувства. Но Дюма был непревзойденным мастером интриги. Его романы насыщены динамикой, события развертываются в них необыкновенно стремительно и причудливо. Лишь немногие читатели способны бросить его книги прежде, чем неожиданная развязка осветит все тайны и поможет героям распутать невероятные хитросплетения придворных интриг, предательства и вероломства.

Мастерство интриги и воспроизведение популярных исторических событий — основные черты творчества Дюма. Но он никогда не останавливался перед тем, чтобы принести историческую правду в жертву интриге. Писатель, провозгласивший своей задачей — «возвысить историю до достоинства романа», считал себя вправе распоряжаться историческими персонажами так же свободно, как и вымышленными. Поэтому во многих его произведениях подлинная история представлена только историческими именами.

1826 год
Казнь Рылеева

25 июля 1826 г. вместе с другими декабристами: Пестелем, Муравьевым-Апостолом, Бестужевым-Рюминым и Каховским был казнен и один из крупнейших русских поэтов — К. Ф. Рылеев.

Как известно, прогнившие веревки не выдержали тяжести тел, и трое осужденных упали на помост. В записках декабриста И. И. Горбачевского рассказаны следующие подробности казни:

«Плац-ад'ютант Трусов положительно сказал, что это был Рылеев. Впоследствии, когда наши дамы прибыли в Читу, К. И. Трубецкая и А. Г. Муравьева подтвердили это. Они говорили, что в тот же день во всех аристократических кружках Петербурга рассказывали, как достоверное, сделавшееся известным через молодого ад'ютанта Кутузова, что из трех сорвавшихся поднялся на ноги весь окровавленный Рылеев и, обратившись к Кутузову, сказал: «Вы, генерал, вероятно, приехали посмотреть, как мы умираем. Обрадуйте вашего государя, что его желание исполняется: вы видите, мы умираем в мучениях». Когда же неистовый возглас Кутузова: «Вешайте их скорее снова» возмутил спокойный предсмертный дух Рылеева, этот свободный, необузданный дух передового заговорщика вспыхнул прежнею неукротимостью и вылился в следующем ответе: «Подлый опричник, тирана! Дай же палачу твои аксельбанты, чтобы нам не умирать в третий раз!»

Казнь декабристов крайне беспокоила Николая I. Он опасался повторения 14 декабря. Накануне казни он пишет матери: «Завтра в три часа утра это дело должно совершиться; вечером надеюсь вам сообщить об исходе». На следующий день рано утром он торопится сообщить: «Пишу на скорую руку — два слова, милая матушка, желаю вам сообщить, что все совершилось тихо и в порядке...» И в тот же день, уже успокоившись от страха и тревоги, он снова сообщает матери: «По полученным сведениям, везде все спокойно... Войска были великолепны».

Впоследствии шеф жандармов Бенкендорф неуклюже пытался «обелить» Николая. Он рассказывал, будто Николай после казни говорил: «Я жалею, что не знал о том, что Рылеев — талантливый поэт; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их».

Если Николай на самом деле сказал это Бенкендорфу, то он, по обыкновению, солгал. Он прекрасно знал, кого вешал. О том, что Рылеев — поэт, он знал и тогда, когда следствие только начиналось. В письме, написанном после ареста Рылеева, он сам же говорит: «Показания Рылеева, здешнего писателя...» и т. д. В сказанной им Бенкендорфу фразе сказалось все наглое лицемерие коронованного палача, повесившего Рылеева и погубившего Пушкина и Лермонтова.

К 10-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Художник В. Д. Поленов

18 июля 1927 г. умер 82 лет выдающийся художник-реалист Василий Дмитриевич Поленов. Имя В. Д. Поленова, автора таких картин, как «Бабушкин сад», «Московский дворик», «Право господина», находящихся в Третьяковской галлерее, широко известно. Тот мягкий лиризм, которым отмечены работы последующего поколения русских пейзажистов, несомненно идет от лиризма Поленова. Значительна его роль и в области исторической живописи. Как автор картин на исторические темы, Поленов вступил в борьбу с существовавшим до него в этой области ложноклассицизмом. В его исторических композициях — реализм и археологическая точность.

Верный заветам эпохи «передвижничества», когда (1870 г.) среди молодых художников, резко порвавших с рутиной императорской Академии художеств, возникла мысль о приближении искусства к широким народным массам, Поленов много лет мечтал о создании художественного музея в деревне.

Обладая значительными художественными коллекциями, собирание которых начал еще его прадед, он осуществил свою мечту в последние годы своей жизни, открыв музей в усадьбе Борок, в четырех верстах от гор. Тарусы (бывш. Калужской губернии). Музей этот действует и до сего дня. Посетители музея, как и мечтал художник, — народ: крестьяне, рабочие, школьники.

Незадолго до смерти В. Д. Поленова ему было присвоено звание народного художника. В связи с этим постановлением советской власти мне было поручено дать очерк о художнике Поленове и о созданном им музее.

К сожалению, престарелый художник в мой приезд к нему был болен, и мне не пришлось беседовать с ним, но, оправившись от болезни, он прислал мне публикуемое теперь письмо, в котором и говорит о своем музее.

И. А.

В. Д. Поленов — гравюра работы заслуженного деятеля искусств И. Н. Павлова. Гравюра помещена в выходящей на-днях в Изогизе монографии о старейшем советском гравере И. Н. Павлове.

Письмо В. Д. Поленова

Борок. 16 августа 1926 г.

Мне самому было очень жаль, что не удалось с вами познакомиться, но все возвращающаяся инфлуэнца с бронхитом и повышенной температурой не позволяют загадывать вперед. Поэтому я долго вам не отвечал. В настоящее время я как будто совсем здоров и поэтому был бы очень рад дать вам желаемые об'яснения.

С давних пор я мечтал о музее в глухой деревне, чтобы дать ей хотя бы в самом малом размере то, чем так привлекательны большие города: библиотеку, музей, картинную галлерею.

Судьба помогла мне, дав в мое распоряжение материал для осуществления такой мечты: мне достались коллекции, собиравшиеся пятью поколениями.

Прадед мой, Алексей Яковлевич Поленов, автор работы об освобождении крестьян с наделом, написанной по заданию Вольно-экономического общества, основал библиотеку. От него остались художественные вещи и картины.

Дед и отец продолжали собирать книги, а составление картинной галлереи и коллекции рисунков начала моя мать, которая сама была художница.

Собиранием керамических вещей занимался отец в бытность свою при посольстве в Афинах; ему удалось собрать коллекцию египетских и греческих терракот — статуэток и ваз большой ценности.

Я и мои дети продолжаем собирать как художественные, так и научные предметы. Здесь оказались остатки каменного века, первобытной жизни человека. Мы, по мере сил и средств, собираем их и приводим, как умеем, в порядок.

Картинная галлерея состоит из нескольких вещей итальянских и голландских мастеров, но большая ее часть — это этюды и эскизы моих товарищей, так называемых передвижников, и большой отдел этюдов моих учеников.

Название передвижников мы получили от того дела, которому беззаветно служили, а именно— устраивали «передвижные выставки», чтобы показывать по возможности большему количеству зрителей произведения живописи последних годов. Я не был основателем этого предприятия, основано оно было Крамским, Ге, Мясоедовым, Прянишниковым, но вскоре был принят в товарищество. Одновременно в него вошли и мои академические товарищи: Репин, Максимов, Васнецов, Куинджи. Избрание меня в члены товарищества стало для меня великим событием. На него обратил внимание и Анатолий Васильевич Луначарский в письме по поводу моей восьмидесятилетней годовщины.

Желание мое устроить музей осуществилось, когда нам удалось соорудить на берегу Оки дом, приспособленный к помещению коллекций. И я несказанно радуюсь, когда вижу, как приходят посетители и разглядывают наши собрания. Приходят целые экскурсии из ближайших городов, из санаторий, школ, из деревень — крестьяне и крестьянки с детьми. Для последних особенно интересна диорама «Путешествие вокруг света» *. А в последнее время мы имеем удовольствие видеть посетителей даже из Москвы.

В. ПОЛЕНОВ.

* Диорама «Путешествие вокруг света» изготовлена самим В. Д. Поленовым; это ряд просвечивающихся картин, написанных с обеих сторон бумаги; картины помещены в глубину ящика и, благодаря комбинированному освещению сверху и сзади, дают иллюзию рельефа; восхода солнца, наступления ночи и т. п.

Газеты сообщают:

Тбилисские, юго-осетинские, кутаисские и аджарские писатели посетят осенью Абхазию. Это будет их ответным визитом на посещение абхазскими писателями Тбилиси, Кутаиси, Батуми и Сталинири. Союз советских писателей Абхазии готовит к приезду писателей братских республик сборник переводов тбилисских, юго-осетинских, аджарских и кутаисских авторов. (**«Советская Абхазия»**. Сухум).

★

Сестра А. П. Чехова Мария Павловна и И. М. Пронин нашли в архиве Чехова, хранящемся в Ялтинском доме писателей, сверток бумаг, запечатанных еще самим Антоном Павловичем. В свертке оказались письма и личные документы отца писателя — П. Е. Чехова, которые в новом свете характеризуют личность отца писателя и по-новому освещают детские годы Антона Павловича. М. П. Чехова предполагает опубликовать найденные документы отдельной брошюрой. (**«Красный Крым»**. Симферополь).

★

Отдыхающие в бывшем имени Некрасова «Карабиха» учителя в письме в редакцию газеты «Северный рабочий» пишут:

«В бывшем имении Некрасова мы столкнулись с интересными фактами, характеризующими жизнь и творчество великого поэта. Но, безусловно, впечатление, полученное нами, могло быть значительно глубже, если бы некрасовская «Карабиха» была приведена в порядок. В настоящее время она находится в состоянии крайнего запустения. Мы просим президиум областного исполнительного комитета для увековечения памяти поэта Некрасова привести бывшее имение «Карабиха» в надлежащий вид и открыть там музей имени Некрасова». (**«Северный рабочий»**. Ярославль).

Поездка советских журналистов в прибалтийские страны

17 июля выехала из Москвы в государства Прибалтики делегация советских журналистов в следующем составе: Б. Д. Михайлов, Л. Э. Березов, П. В. Петров, А. И. Ступак, Всеволод Иванов и Н. Тихонов.

Делегация посетит Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву. Поездка делегации является ответом на посещение Советского Союза журналистами этих стран.

На Октябрьском вокзале делегацию провожали эстонский посланник, финляндский поверенный в делах и зав. отделом печати НКИД т. Гнедин.

Выставка художников книги

В залах Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина открылась отчетная выставка слушателей Института по повышению квалификации художников книги и графиков.

На выставке — около 700 работ: офорты, рисунки карандашом, гравюры на дереве, литографии, акварели, книжные иллюстрации, живопись.

Свыше 300 московских графиков, оформителей, ретушеров, рисовальщиков работают в Институте по повышению квалификации художников. Материально-полиграфическая база института дает возможность слушателям пользоваться литографскими камнями и цинковыми досками—для офорта и деревом — для гравюр.

В прокуратуре СССР

Прокуратура СССР закончила расследование по делу писателя Шухова, которое было возбуждено в связи с опубликованными в «Комсомольской правде» материалами.

Шухову пред'явлено обвинение по ст. 146 ч. 2 и по закону от 27 июня 1936 года, т. е. в систематическом избиении жены и в принуждении ее к абортам.

Дело направляется в Московский городской суд, где и будет рассмотрено в ближайшее время.

В издании Детиздата ЦК ВЛКСМ выходит книга Героев Советского Союза тт. В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова **«Три дня в воздухе»**. На снимке: обложка новой книги.

ПИСАТЕЛИ-ТЕННИСИСТЫ

ЛЕНИНГРАД (**наш корр.**). Об'единенная команда теннисистов союза издательских работников и Дома писателя им. Маяковского выиграла командное первенство (по 3-й категории) на кубок Ленинградского комитета по делам физкультуры.

МЕДЛЕННО И НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННО

На строительстве дома РЖСКТ «Советский писатель»

В центре красной столицы, в Москве, в Лаврушинском переулке, в ближайшее время будет закончена постройка огромного жилого дома РЖСКТ «Советский писатель».

Совсем скоро в этом красивом, по внешнему виду, девятиэтажном здании гостеприимно откроются двери всех квартир для приема новых жильцов — советских писателей.

По проекту, осуществляемому строителями, квартиры в писательском доме представляются образцовыми и в смысле их планировки, и в смысле коммунальных удобств, обеспечивающих наилучшие условия для творческой работы. В каждой квартире будет телефон, ванная, газовые плиты, холодильные шкафы, отдельные комнаты для домработниц и т. д.

Однако качественное выполнение работ на строительстве **ниже всякой критики.**

Шесть миллионов рублей — такова стоимость этого строительства, установленная правительством. Уже это одно определяет характер и масштабы дома.

Казалось бы, что писательская общественность — в лице членов РЖСКТ, правления ССП и Литфонда — окружит большим вниманием это важное дело, быстрое и своевременное завершение которого должно еще более улучшить бытовые условия литераторов Страны советов.

Однако строительство жилого дома писателей на протяжении вот уже четырех лет **велось исключительно медленными темпами.** Для этого строительства характерно, что все сроки ввода его в эксплоатацию, неоднократно устанавливаемые Моссоветом и правительством, **безнаказанно нарушались.** Ни один срок не выдержан. Даже последний срок полного окончания жилого дома — 15 апреля т. г. — и тот сорван.

В настоящее время ведутся работы по отделке квартир, по благоустройству участка и по сносу временных сооружений.

Нельзя дальше терпеть такого положения, при котором отставание и невыполнение из года в год плана работ **приводили лишь к удорожанию** строительства.

Многочисленные переделки и исправления, являясь настоящим бичом для этого строительства, вызывались **плохим качеством** работ, осуществляемых подрядчиком — Строительно-технической конторой Мосгоржилстройсоюза (управляющий т. **Рузлов**). Недоброкачественной, если можно так выразиться, продукции было на строительстве много (начальник строительства т. **Башкиров**).

Даже на отделочных работах лежит все та же печать недобросовестности и безответственности.

Вот факты.

В штукатурке потолков много трещин.

В двенадцати квартирах (**№ 55 и №№ 59—70**) цементные полы в кухнях имеют трещины и даже выбоины. Создается впечатление, будто вы попали в дом, потерпевший землетрясение.

Паркет плохо построган.

Окраска стен чрезвычайно плохая: разве можно в какой-либо степени считать приемлемой такую работу, когда клеевая краска в некоторых комнатах (квартиры с **№ 37** по **№ 69**) пачкает, имеет полосы и пятна.

Можно ли мириться с тем, что во всех буквально квартирах многоэтажного дома гидроизоляция перекрытий санузлов (у канализационных труб и в местах проходки других труб) сделана так, что уже наблюдается просачивание воды на перекрытия — через щели вокруг труб.

Можно было бы привести еще ряд примеров плохого качества работы на строительстве дома писателей. Думаем, что и сказанного достаточно.

Что нужно потребовать от строителей?

Во-первых, **немедленного устранения всех дефектов** в строительстве и, во-вторых, **принятия решительных мер для быстрого и полного окончания всех секций** жилого дома, которого с таким нетерпением ждут советские писатели.

Р. ГУЗИКОВ.

Письмо в редакцию

Я десять лет работаю в союзе советских писателей. Состою членом РЖСКТ «Советский писатель» со дня его основания. Выплачивала пай своевременно и аккуратно. Когда правление РЖСКТ предложило мне в 1933 году внести полностью дов'ездовский пай, я сделала это ценою больших лишений.

Но все это ни в какой степени не избавило меня от систематического ущемления РЖСКТ моих законных прав. Все обещания и обязательства предоставить мне жилплощадь неизменно кончались обманом.

В 1931 году мне был выдан ордер на комнату, владелец которой не собирался выезжать. В 1933 г. мне предложили комнату из жилфонда на улице Воровского, где свободной комнаты не оказалось. Недавно мне предложили комнату писателя Овалова. Оказалось, что у Овалова нет личной площади, и, следовательно, рассчитывать на таковую я не могу. Потом меня пытались успокоить видами на комнату писателей Рязанцева, Доронина и Козина — и все это оказывалось попросту блефом; один вообще не собирался выезжать, другому некуда было переехать и т. д.

Наконец, мне предложили комнату в квартире М. Голодного, которому предоставлена новая площадь в доме по Лаврушинскому переулку. Это была моя последняя надежда, но и она рухнула. Я опять оказалась обманутой, несмотря на то, что **получила ордер** на площадь в бывшей квартире Голодного и по договоренности с ним прописалась в домоуправлении на эту площадь.

В последнюю минуту комната, на которую мне выдали в Литфонде ордер, оказалась наглухо запертой. М. Голодный не сдал своей площади Литфонду, и ее «захватили» оставшиеся в квартире члены его семьи.

Все мои протесты ни к чему не привели. Я вынуждена влачить прежнее бездомное существование.

Я спрашиваю — будет ли положен предел издевательствам над человеком со стороны правления РЖСКТ «Советский писатель» и Литфонда, в частности т. Юрасова, ведающего распределением площади из жилфонда ССП среди пайщиков РЖСКТ?

Р. ШЕПЕЛЬСКАЯ

ОТ РЕДАКЦИИ. Помещая письмо Р. Шепельской, редакция «Литературной газеты» обращает внимание правления ССП и правления Литфонда на возмутительные безобразия, допущенные правлением РЖСКТ «Советский писатель» и работниками Литфонда по отношению к пайщику, имеющему все законные права на жилплощадь.

«Год борьбы испанского народа»

В выходящем из печати № 7 журнала «Интернациональная литература», в разделе, названном «Год борьбы испанского народа с мятежниками и фашистскими интервентами», помещен ряд интересных статей, очерков и стихов виднейших испанских писателей и поэтов.

Номер журнала открывается стихами: Рафаэля Альберти — «Интернациональной бригаде», Эмилио Прадос — «Отрывок из письма», Хосе Эррера Петеро — «Комиссар». Далее идут две песни о защите Мадрида, написанные поэтами Рафаэлем Альберти, Артуро Серрано Пляха и Марией Тересой Леон в ноябре 1936 года, в дни героической обороны Мадрида.

Сейчас эти песни стали народными и пользуются большой популярностью в Испании.

С интересом будут прочитаны очерки и статьи Р. Х. Сендера — «Наш фронт крепок», статья виднейшего испанского поэта Хосе Бергамина — «Мы защищаем культуру», в которой он говорит об огромной культурной работе, проводимой правительством народного фронта, несмотря на тяжелые прифронтовые условия, и статья Сесара М. Арконада — «Воля к победе ведет к победе».

Прочувственная статья Пабло Неруда посвящена зверски убитому фашистами талантливому испанскому поэту Федерико Гарсия Лорка.

Крупный испанский поэт и литературовед Дамасо Алонсо в статье «Социальная несправедливость и испанская литература» затрагивает весьма острую для настоящего момента тему. Статья эта была напечатана в № 2 журнала «Hora de España», издаваемого группой писателей в Валенсии. Она вызвала большой интерес у испанских читателей.

Раздел журнала, посвященный годовщине героической борьбы испанского народа за независимость, заканчивается очерком французского журналиста Жоржа Бениццу — «Рамон Сендер — борец за свободу», перепечатанным из журнала «Регар».

СОННАЯ ОДУРЬ

Бежав от мрачного поэта
И от стихов, подобных сметам,
Оскомину набивших нам...

Г. Санников

Перед нами книга избранных стихов Г. Санникова, изданная Гослитиздатом в 1937 году. Обращаем внимание читателя на дату издания.

Возьмем отрывок (достаточно типичный) из поэмы Санникова:

Для опытников ввели премирование,
На Вахше затеяли стройку,
Чтобы площадь посевов расширить
И хлопчатника урожай утроить.
В ближайшие годы покончить начисто
С дорогостоящим импортом,
Снабдить наши фабрики высококачественным
Своим египетским волокном
и т. д. (стр. 143).

Попробуем теперь переписать то же самое без разбивки на строки, кое-где переставив слова в более естественном порядке:

«ввели премирование для опытников, затеяли стройку на Вахше, чтобы расширить площадь посевов и утроить урожай хлопчатников. В ближайшие годы начисто покончить с дорогостоящим импортом»... и т. д.

Хуже ли этот второй отрывок, чем первый? Не хуже. Даже лучше: понятнее. Непонятным остается только одно: зачем было выдавать это за стихи?

Тов. Санников, видимо, думает, что написать о хлопке стихами — значит ввести в советскую поэзию тему хлопка, которая никем не ставилась. Стремясь исправить недосмотр товарищей по искусству, он держится правила: «цель оправдывает средства», и выбором поэтических средств себя не затрудняет. Годятся ли такие рифмы, как «женщина — рассуждения», «его — народ», «пленуме — правление»? Верны ли такие ударения, как «[illegible]»? По-русски ли сказано: «но точно солнечная мгла ее глаза запеленала», «[illegible]»? Хорошо ли такое сравнение: «где-то жизнь белоснежнее (снега)»? Могут ли кого-нибудь поэтически взволновать бесчисленные строфы типа той, которую мы переложили в прозу? С точки зрения Санникова все это неважно, — важно, чтобы была поэма о хлопке, поэма о каучуке.

Но поэмы-то и не получилось. Есть неважный, наспех сделанный очерк, разрубленный на стихи. В очерке есть все: описание строительства, борьба с вредителями, басмачами, рассказ о хлопковой пятилетке, есть «перестройка» героя, есть даже его любовь и, наконец, смерть. Но все эти темы так тускло и скучно перепутаны, так механически одна другую, таким суконным языком рассказаны, что по существу ни одной из них нет. Есть одна сонная одурь, одолевающая читателя до того, что он начинает подозревать автора в равнодушии ко всему на свете.

Возьмем для примера одну из тем — перестройку героя, агронома Кречетова. В начале поэмы он досадует на обиды и неудачи в работе; его обуревают сомнения в победе колхозного строя. Дачи нет, надо сидеть в знойном Ташкенте.

Каждый день помирай на Правлении,
Принимай об'ясненья по сметам...
В неизвестном никому направлении
Сбежала жена с каким-то поэтом....

У Кречетова происходит разговор с представителем шпионско-вредительского «инженерного центра». Настроение у обоих примерно одинаковое, но войти в организацию Кречетов не соглашается. Впрочем, он и не отказывается: «В глазах моих темень, — говорит он. — Подумаю».

В дальнейшем этот Кречетов вдруг (именно вдруг) один из всех работников Хлопкома вызывается ехать на борьбу с шистоцеркой, и эту борьбу проводит героически и блестяще. По возвращении его арестуют, но вскоре устанавливается его невиновность. Кречетов отправляется на борьбу с басмачами и погибает в бою. Все.

Как же случилось это превращение ноющего, сомневающегося, мечтающего о загранице «спеца» в положительного советского героя? Автор и сам задает себе этот вопрос и отвечает:

Эпоха наша необычна.
Кто воспоет ее размах?
Перед ней стихи косноязычны,
И даже музыка нема.

Но поэту нельзя «прятаться за эпоху», он обязан показать внутренний мир своего героя, раскрыть его образ. Иначе он не создаст художественного произведения.

Несколько лет назад поэма Г. Санникова о хлопке была до небес превознесена А. Белым, который пришел в восторг от ее «нового ритма», позволяющего вводить в поэзию все — вплоть до статистических справок. Но — вот образчик этого «нового» ритма:

Дети солнца, плоды экватора,
От арабского «котн»,—коттон, капас,
Ди баумволле, пембе, а у нас —
Пахта́ гувоча́, или — просто—вата
Дети солнца, но только ли солнца?
Это — термин дикарской романтики —
Американские сентиментальные бантики
Под всегдашней угрозой японцев.

Кто же не узнает здесь руку Сельвинского — его размер, его голос, его язык, его почерк!

Если в одних строфах (их очень много) Санников подражает Сельвинскому, то в других он перепевает Кирсанова:

Я ли, запевала,
Не прыток на под'ем.
В новой Калевале
Заливаюсь соловьем.
Формула за формулой—
Поэма — каучук;
Выхаживаю форму.
Химии учусь.

Санников подражает многим поэтам. Нет ни одного стиха (не говоря уж — произведения!), о котором можно было бы сказать: вот это — Санников. Не Сельвинский, не Хлебников, не какой-то вообще поэт, а именно Санников. Грустно говорить такое о человеке, работающем в советской поэзии чуть ли не с самого ее возникновения, но своего поэтического лица Санников не имеет.

Зачем же понадобилось Гослитиздату выпускать эту книжку? Зачем нужно было переиздавать старые, скучные «очерки в стихах» о хлопке и каучуке, в свое время выданные за поэмы неудачливым редактором «Нового мира» Гронским? Переиздавать серые, подражательные, претенциозные, псевдолирические стишки?

Кто станет читать 5.000 экземпляров этой книги, одобренной для печати редактором В. Казиным?

А. ДОРН.

ПИСАТЕЛИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ГОСТЯХ У ЛИТЕРАТОРОВ УКРАИНЫ

От нашего киевского корреспондента

Столицу Украины посетила группа писателей Северной Осетии, совершающая творческую поездку по СССР. В группу, которую возглавляет председатель союза советских писателей Северной Осетии Казбек Бадоев, входят Андрей Исаков, Андрей Голуев, Харитон Плиев, Дабе Мамуров и Гриш Плиев. В Доме отдыха украинских писателей в Ирпене, под Киевом, состоялась товарищеская встреча, в которой помимо украинских писателей участвовали отдыхающие в Киеве ленинградские писатели Н. Браун и Е. Полонская.

С большим интересом собравшиеся прослушали прочитанные гостями произведения на осетинском языке и в руском переводе. Гости в свою очередь знакомились с творчеством украинских писателей.

Осетинские писатели были гостями украинских писателей в течение пяти дней.

Они знакомились с хозяйственными и культурными достижениями Советской Украины, посетили музеи, театры, знакомились с памятниками культуры и старины, которыми так богата украинская столица.

Из Киева гости из братской Осетии выехали в Херсон, куда в 1891 году был сослан основоположник североосетинской литературы, выдающийся поэт и общественный деятель Коста Хетагуров.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоченный Главлита № В—29610.

Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.